

Зинзивер № 6 (138) 2023

2023
Санкт-Петербург

ЖУРНАЛ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ХХІ ВЕКА, СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
И ХОЛДИНГА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

**Издатель Холдинговая компания «Вест-Консалтинг»
(генеральный директор Евгений Степанов)**

Председатель Редакционного совета
Тамара Буковская

Редакционный совет
Тамара Буковская, Евгений Степанов,
Ольга Денисова

Соредакторы:
Ольга Денисова / проза
Евгений Степанов / поэзия

Редакция
Галина Илюхина
Арсен Мирзаев
Фёдор Мальцев
Валерий Мишин

Адрес:

**Союз писателей ХХІ века
(сайт www.writer21.ru)**
Бизнес-центр «Калейдоскоп»
Россия, 115230, Москва, Хлебозаводский проезд,
д. 7, стр. 9, офис № 12 (7 этаж)
Редакция журнала «Зинзивер»
Степанову Евгению Викторовичу

Союз писателей Санкт-Петербурга
Россия, 191119, г. Санкт-Петербург,
ул. Звенигородская, дом 22-б
Редакция журнала «Зинзивер»

**Сайт журнала: <http://www.zinziver.ru>
Эл. адрес редакции: zinzivier@mail.ru**

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редакции</i>	4
--------------------------	---

ПЕРЕКЛИЧКА ПОЭТОВ

Михаил ГУНДАРИН. Предновогоднее похмелье. Стихотворения.....	5
Вячеслав ХАРЧЕНКО. Стихотворения из будущей книги «Счастливое детство».....	8
Евгений СТЕПАНОВ. Две планеты. Стихотворения	11

ПРОЗА

Олег РЯБОВ. Два рассказа.....	16
Игорь ВОЛОВИК. Дыхание севера. Рассказ.....	31
Елена ЛИТИНСКАЯ. Все как всегда. Рассказ	40

КОРОТКАЯ ПРОЗА

Ирина АНТОНОВА. Миниатюры.....	50
--------------------------------	----

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Лев БЕРДНИКОВ. Изобличить вертопраха. Эссе.....	53
---	----

ПАРОДИИ НА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИХ ПОЭТОВ

Евгений МИНИН. Пародии на Санкт-Петербургских поэтов	63
--	----

РЕЦЕНЗИИ

Юрий Казарин, «Божья верста» (Полина ГОРОДЕЦКАЯ)	
Галина Климова, «Сказуемое несовершенного вида» (Ольга ЕФИМОВА).....	66

ОТ РЕДАКЦИИ

Дорогие друзья!

От всей души поздравляю вас с наступающим Новым годом! Здоровья вам и новых творческих успехов! И, конечно, мирного всем нам неба над головой!

Пусть процветают Союз писателей XXI века, ПЛК (Профессиональные Литературные Курсы), телеканал и телекомпания «Диалог», холдинг «Вест-Консалтинг» — наша большая и дружная семья!

В уходящем году мы освоили новый вид деятельности — кинопроизводство — и выпустили два полнометражных игровых фильма на студии холдинга «Вест-Консалтинг» «Диалог» — это картины «Христос-Человечество» и «Основной вопрос», в которых снялись в том числе и наши авторы. Я очень рад, что сумел поставить как режиссер эти важные для меня фильмы, которые получили хорошую прессу.

Но, конечно, по-прежнему издательская деятельность для нас на первом месте. И мы не намерены сбавлять обороты.

В следующем году мы планируем выпустить порядка ста книг — это и стихи, и проза, и мемуары, и научная литература. Это наш традиционный ежегодный план.

Периодичность выпусков наших изданий на 2024 год такова:

«Зинзивер» — шесть номеров в год; «Дети Ра» — шесть номеров в год; «Футурум АРТ» — два номера в год; «Зарубежные записки» — два номера в год. Что касается наших газет, то периодичность «Литературных известий» не изменится — двенадцать номеров в год. Газета общественных организаций МИД РФ «Наша Смоленка», которая верстается в издательстве «Вест-Консалтинг», и газета «Поэтоград» в 2024 году также будут выходить ежемесячно.

Журнал «Зинзивер», как всегда, будет ориентирован, прежде всего, на санкт-петербургскую литературу. Однако и достойным авторам из других регионов мы, конечно, найдем место на страницах нашего издания.

Оставайтесь с нами!

Евгений СТЕПАНОВ
издатель и соредaktor журнала «Зинзивер»,
руководитель холдинга «Вест-Консалтинг»
и Союза писателей XXI века

Поэт, прозаик, литературный критик. Родился в 1968 году. Кандидат философских наук, преподает в вузах. Автор 8 книг стихов (последняя по времени — «Простые слова», 2020). Публиковался как поэт в журналах «Знамя», «Юность», «Урал», «Дружба народов», «Дети Ра», «Алтай», «Плавучий мост» и др. Живет в Москве.

ПЕРЕКЛИЧКА ПОЭТОВ

ПРЕДНОВОГОДНЕЕ ПОХМЕЛЬЕ

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Здесь популярен особый спорт —
Танцы у ресторана.
Вот он и я — не последний сорт,
Но не герой романа.

(И ухожу, не доев свой торт,
Не докурив кальяна.)

Зря ты кичишься седьмым числом —
В небе закат восьмого.
Осень лежит под моим столом,
Выдуманная как слово.

Дальше фонарь, а потом отъезд
В завтрашнее похмелье...
Кто здесь хотел перемены мест?

Кажется, все хотели.

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

Кто-то главный перемолол
свет и тьму в таинственный алфавит.
Я собрал со страниц эту смесь, прочел
и узнал, что нам предстоит
наливаться влагой, как санный след,
погибать под ногами бегущих из
обреченного города.
Сотню лет
выходить во сне на карниз!

НОЯБРЬСКАЯ ПЕСНЯ

Белым золотом ноябрьской тоски,
Белой скатертью на пиру воровском,
Дни мои режутся на куски,
Раздаются всякому кусок за куском.

Некому пожалеть меня, расстелить игру —
Клетчатый мир поверх дешевых ковров.
Распахивается, подставляется маляру
Черно-белый свет,
но больше нет маляров.

Пойти покрутить крышечку — покрути-покрути,
Ничего не выкрутишь:
бутылка пуста.
Пойти поглядеть в дырочку — погляди-погляди,
Никого не выглядишь:
чужие места.

ДЕКАБРЬСКАЯ ПЕСНЯ

Усидишь ли дома по ночам,
где лишь телевизор у виска,
если солнца неживой кочан
засолила на зиму тоска?
Выйдешь в поле — темные торчат
сухостоем в ледяных полях
черенки невидимых лопат.
Сделай шаг — напорешься впотьмах.

Тут и город, мертвый огород,
заливает каменный бензин
равнодушной тьме за отворот.
Заходи в закрытый магазин,
забирай что хочешь — все равно.
Ведь снаружи иней на губах,
а внутри дешевое вино,
и к подошвам липнет теплый страх.

* * *

Полдень декабрьский скользит и падает,
и застывает на миг в полете —
кажется, в позе крылатой статуи,
но в темноте ее не найдете.
Свет неисправный разъят по болтику,
пусть его чинит кому есть дело.
Но не механику и не оптику —
корпус пустой, ледяное тело.

НА БУЛЬВАРЕ

Бог знает из какой тоски,
Из перелома со смещеньем,
Из ночи, рвущей на куски
Своим тяжелым освещеньем,
Мы выплываем в темный час
Предновогоднего похмелья
Туда, где свет накормит нас
Горячей горькой карамелью!

Поэт, прозаик, критик. Родился в 1971 году в поселке Холмский Абинского района Краснодарского края. Окончил школу в г. Петропавловске-Камчатском. Выпускник МГУ им. М.В. Ломоносова. Стихи печатались в «Знамени», «Новой Юности», «Арионе», «Зинзивере», малая проза выходила в журналах «Октябрь», «Новый берег», «Волга» и др. Автор восьми книг прозы. Лауреат Волошинского литературного конкурса. Книги рассказов неоднократно входили в короткие и длинные списки премий «Национальный бестселлер», премия им. Фазиля Искандера, премия им. Левитова и др. Рассказы переводились на немецкий, английский, китайский и турецкий языки. Живет в Симферополе.

СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ БУДУЩЕЙ КНИГИ «СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО»

* * *

Наши роботы бороздят Марс,
Но мы там никогда не будем,
Потому что в полете нас сожрет радиация.
А если на корабль навесить
Свинцовые пластины
Для защиты от радиации,
То он станет таким тяжелым,
Что просто не взлетит.
Я представляю 2500-й год.
Наши роботы достигли Альфа-Центавры,
Созвездий Лиры и Водолея
Они бродят по экзопланетам Млечного пути.
И только толстые ленивые люди
Сидят на Земле,
Жуя гамбургеры с колой,
Наблюдая на телеэкранах видеовизоров,
Как их трудолюбивые роботы
Осваивают Вселенную.
И вот однажды роботы встретят иных.
Это будут зеленые желеподобные человечки.
Они будут плыть около роботов
И шелестеть, как волны Тихого океана.
(Надеюсь, Тихий океан к тому времени
Не пересохнет.)
Они будут учить роботов
Межгалактической культуре.

И ни один, ни один робот
Не сможет им объяснить,
Что он робот,
Что его толстые жалкие хозяева
Сидят за миллионы световых лет
В норах планеты Земля,
Что их хозяева ни на что не способны
И ни к чему не пригодны,
Потому что боятся космоса, радиации
И Вселенной.

* * *

Вечером после тяжелого трудового дня
Иванову захотелось выпить пива
Как раз стих северный ветер
И откуда-то с Юга запахло морем и хамсой,
Стало казаться что вот сейчас
Должно случиться что-то важное
Ведь должно же что-то случиться
Хотя бы к пятидесяти годам
Нельзя же просто есть спать и плодиться
«Нет нельзя», — думал Иванов
Поэтому он надел куртку кроссовки и маску
Взял заплечный рюкзак
И двинулся на юг прямо
К пивному ларьку
Он шел по темному парку
Он шел мимо светящихся пятиэтажек
Он шел мимо курящих мамаш с детьми
Он шел куда-то как он думал к звездам
Хотя на самом деле шел за пивом
И пока он шел он думал
Что жизнь не должна быть напрасной
Даже с пивом она не должна быть напрасной
Что-то должно произойти
Но ничего не происходило
Кроме пива футбола и хамсы
Тогда Иванов сел на 51 троллейбус
И поехал в сторону побережья
Чтобы увидеть как волны Черного моря
Облизывают белой пеной
Его стоптанные кроссовки.

* * *

Жена собрала Иванову на работу
Туесок с обедом
И перекрестила его.
Иванов вышел на улицу,
Тяжело дыша из-под маски.
Никто уже не носил масок,
Но Иванову казалось,
Что в маске он выглядит красивее.
Маска скрывала его второй подбородок
И подчеркивала его мужественное лицо.
Иванов шел мимо цветущих садов.
Иванов шел по трамвайным путям.
Иванов шел по проспектам и площадям.
Иванов осторожно перебирал ногами и думал,
Что жизнь циклична.
Что придет время
Даже самым забытым идеям,
Что мир стоит на четырех черепахах и трех слонах,
Что завтра будет зарплата,
Что море синее, а солнце желтое,
Что надо починить на кухне кран.
Туесок и оловянная ложка
В оранжевом пакете
Бились о его толстые ляжки.
Иванов понимал, что туесок и жена
Это самое лучшее, что есть у него.
И от этого ему хотелось,
То ли плакать, то ли петь, то ли курить.
Иванов сел на лавку,
Достал сигарету
Закурил и запел:
«Ла-ла-ла-ла».

* * *

Книги выходят,
А денег нет.
Книги, книги выходят,
А денежек нет.
Зачем писать,
Если нет денег?
Приходится работать.
Тяжело работать.
Книги выходят,
А денег нет.

Поэт, прозаик, публицист, издатель. Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М.В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатается с 1981 года. Публиковался в центральной периодике. Автор нескольких книг стихов, вышедших в России, США, Болгарии, Румынии, Венгрии, а также книг прозы и научных монографий. Соредaktor журнала «Зинзивер», главный редактор журнала «Дети Ра» и портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газеты» и премии журнала «Нева». Руководитель Союза писателей XXI века и издательства «Вест-Консалтинг». Живет в Москве и поселке Быково (Московская область).

ДВЕ ПЛАНЕТЫ

ПОЭТЫ

Н.

Эрато, музыка, легато, витиевата речь пиита
И в поколении Булата, и в поколении Бахыта.

Люблю кондратовские числа, люблю ахматовское небо.
Но все-таки большого смысла искать в поэзии нелепо.

Я помню: мы с тобой на даче, поэзия звучит как скрипка.
Мегаметафорой удачи летит ко мне твоя улыбка.

Я помню то, что было прежде: жизнь от полочки до полочки.
Мегаметафоре-надежде дает надежду песня внучки.

2014, 2018, 2023

ТАКОЕ ВРЕМЯ

Низы кряхтят. Смердят верхи.
Бог плачет. Вельзевул хохочет.
И, кроме Балтина, стихи
теперь читать никто не хочет.

Такое время на дворе.
Но, хоть и нужно бить тревогу,
жизнь продолжается, не пре-
кращается. И — слава Богу!..

2023

РАНЬШЕ И ТЕПЕРЬ

Раньше были ахейцы.
А теперь — ахинеяцы.

2023

МЭР ПОЭТОГРАДА

Пусть все идет не так, как надо,
И озверел пришедший хам.
Но я как мэр Поэтограда
Повелеваю: — Быть стихам!

Стихи прекрасны, а не войны.
В стихах — Вселенной торжество.
А хамы, сволочи достойны,
Вы сами знаете, чего.

Пусть жизнь конечна и рутинна, —
Поэзию в печи не сжечь.
Мой первый зам — Краснова Нина —
Мою поддерживает речь.

Пусть где-то более фартово
Жизнь крутится, полна услад.
Но мы под знаменем Глазкова
Не предадим Поэтоград.

2023

ПОДРАЖАНИЕ СТЕПАНУ ЩИПАЧЁВУ

Чем наглей рифмач, тем бесталаннее.
Чем скромней — тем более стыда...
А стихи — печаль и покаяние,
А не презентаций чехарда.

Это однозначно, что не с теми я,
Кто наград поболее хотят.
Этот фестивальчик, эта премия...
Для каких-нибудь других ребят.

2023

ЭПОХА

И жулье, и сатрапы... И лютуют — чуть что.
Кроме мамы и папы, не поможет никто.

Всюду хитрые рожи, все чего-то хотят.
У меня, впрочем, тоже не монашеский взгляд.

Вот такая эпоха воцарилась давно.
Это плохо? Не плохо. Это то, что дано.

2010, 2023

ДВЕ ПЛАНЕТЫ. ДИАЛОГ

Н.

— Я знаю: есть планета,
Где свет в бою со тьмой.
Но тьма сильнее света;
Гнобит людей тюрьмой.
А чахлого поэта
Кидает в снег зимой.

Я знаю: есть планета,
Где сшита явь с мечтой —
Клонировать поэта
По строчке золотой;
Где наложили вето
На смерть — как на отстой.

И эти две планеты
Летят немало лет,
Всевышним обогреты,
Среди других планет.
...Хоть я не знаю, где ты.
Но знаю: смерти нет.

— Смерть есть. Она повсюду.
Она, как степь, кругом.
— Я возражать не буду.
Но речь-то о другом...
...Бежит, подобен чуду,
Грядущий день — бегом.

2023

ИМЕНА

Уходит день, как добрый Данко.
Проходит в дамки фантомас.
Поет далекая испанка:
Porque te vas? Porque te vas?

Жизнь беспечальную никто мне
Не обещал, никто не даст.
...По направлению к часовне
Иду, крошась, как пенопласт.

2023

РЕЦЕНЗИЯ НА ФИЛЬМ ЛАРСА ФОН ТРИЕРА «НИМФОМАНКА»

Убийство. Похоть. Ларс фон Триер.
Неинтересно. Интересно —
Величие, полет души.
Преодоление — в себе — инстинктов.

...Я жил в общежитии и психушке.
И видел то, что видеть грустно.
Но все равно мне интересно —
Величие, полет души.

А то, что человек не ангел,
Мне тоже хорошо известно.
И что с того? Мне интересно —
Величие, полет души.

2023

И ВСЕ-ТАКИ

«Поэт в России больше, чем поэт».

Евгений Евтушенко

Безденежен, смешон, небогрет,
Не нужен ни читателям, ни власти...
Поэт в России больше не поэт,
А бедный лузер самой низшей масти.

Поэт сидит на лавке. Он продрог
И никому не нужен почему-то.
И все-таки один читатель — Бог —
Есть у поэта. И вот это — круто.

2023

Прозаик и поэт. Родился в 1948 году в городе Горьком. Окончил радиофак Горьковского политехнического института им. А. А. Жданова. В настоящее время — директор издательства «Книги», главный редактор журнала «Нижний Новгород». Член Союза писателей России. Живет и работает в Нижнем Новгороде.

ДВА РАССКАЗА

УДАЧНО ОПОХМЕЛИЛСЯ

1

Это вон у Борхеса каждый рассказ как предисловие к чьей-то новой книге — навывдумывает-навывдумывает, а потом сам, наверное, удивляется написанному. Хотя, конечно, он — мастер.

Я считаю, что литературные рассказы должны быть жизненными. Нет, сам ты сто жизней не проживешь, но если ты услышал от кого-то необычную интересную историю, достойную того, чтобы ею можно было поделиться, то ты должен ее, конечно, запечатлеть. Вот написал «запечатлеть» и тут же понял, что за многих, очень многих людей от искусства ответил: все мы тут же откликаемся на что-то неординарное, случившееся или увиденное в нашей жизни, спеша увековечить.

А как же часто люди с художественным складом ума и соответствующим воображением сожалеют, что не вполне владеют всем арсеналом различных параллельных достоинств: какой-то талантливый поэт не обладает вокальными данными, а драматический актер не способен писать пейзажи и натюрморты. Вот и приходится им, часто сомневаясь, делиться впечатлениями друг с другом, в надежде обогатить или жизненный опыт, или художественный мир коллеги.

Мишка Жмуркин и Илья Криворотов были неплохими журналистами. Сейчас сразу и не соображу: журналистика — это тоже какой-то вид искусства или все же это ближе к производству? Потом разберемся. Они были друзьями, а потому часто вместе выпивали после работы, а иногда и прямо на работе, то есть в редакции. Так было заведено испокон веков в этом виде деятельности. Замечу для точности, что Жмуркин работал на радио, Криворотов на телевидении — просто эти две важных

идеологических структуры находились в одном здании, в телецентре. Было им обоим по сорок с хвостиком, у обоих были некоторые проблемы в семьях, потому что выпивали они почти каждый день, и оба они давно уже не мечтали ни о подвигах, ни о славе. Только ведь, судьба-то у каждого человека и без подвигов, и без славы объективным образом существует.

И вот мои друзья Мишка и Илья ей, этой своей судьбе, как-то раз и подставились. Брал однажды Илья Криворотов интервью у Ольги Ивановны Шушляевой, когда-то доцента консерватории, и депутата областного законодательного собрания в настоящее время. Интервью действительно удалось, а это и сама Ольга Ивановна почувствовала. После записи она необычным образом раскрылась перед Ильёй: вдруг стала отзывчивой, улыбочивой, домашней и даже согласилась на чашку растворимого кофе, который они и опробовали с Ильёй в его рабочей комнате, несмотря на высокий свой статус и на то, что у ворот ее ждала разъездная персональная машина с водителем.

Ольга Ивановна была в самом что ни на есть государственном возрасте, но выглядела очень даже неплохо; чувствовалось, что и парикмахер, и салон красоты, и фитнес-тренер с ней поработали: строгая, облегающая голову, прическа каре, закрывающая уши, высокие, но не чересчур каблук, звонкий уверенный голос, во взгляде — ни искорки кокетства.

В кабинете она уселась в гостевое кресло, закинула ногу на ногу и спросила:

— Илья, а у вас тут не курят, наверное?

— Нет, Ольга Ивановна, не положено!

— Ну а если с кофе, то как же не покурить?

— Скорее, не с кофе, а с Ольгой Ивановной, тогда, конечно, можно и покурить, — вывернулся Илья и даже удивился сам себе, что так запросто общается с государственным человеком.

Кофе, несмотря на то, что был растворимым, оказался достаточно ароматным и горячим.

— Илья, я чего вас тормознула! Есть у нас фонд один, «Добро» называется, и там остались небольшие деньги, которые надо срочно потратить, а то они пропадут: передадут их в какой-нибудь детский дом, которого и нет уже давно, а только на бумаге, — и тью-тью. Сейчас, после эфира, я поняла, что ты хорошо разбираешься в некоторых проблемах области и даже представляешь, как их решать. Вот я и подумала, точнее, захотела предложить тебе и твоей команде единомышленников с телевидения (надеюсь, ты найдешь таких) поработать и подзаработать, а там миллионов пять. Придумайте какой-нибудь поэтический фестиваль или конкурс для школьников с рекламой, сувенирной продукцией, типографскими услугами на изготовление листовок или буклетов, гала-концертом и вручением грамот. В общем, придумайте, понимаешь меня? Эти деньги надо срочно освоить. Ну, и на меня рассчитывайте и не забывайте.

— В смысле? — подавшись вперед, спросил Илья.

— В том смысле, — откликнулась Ольга Ивановна, взяла со стола Илья лист бумаги, карандаш и нацарапала там что-то — Илья не разглядел. После чего внимательно посмотрела на Илью, и, скомкав листочек, засунула его к себе в сумочку.

— Ну конечно, конечно, — улыбаясь, закивал головой Илья, удивляясь одновременно про себя: откуда у этой государственной дамы, видящей впервые его, такая уверенность и напористость.

— Тогда звоните, когда примете решение, а мой помощник привезет вам все документы, которые надо будет оформить. Запомните: все оформляться должно на общественную организацию или общественное движение.

— Так, а мы на Союз журналистов оформим все.

— Можно, конечно, и на союз, только уж очень много болтунов там у вас всяких. Придумайте чего-нибудь попроще. И звони.

Тут Ольга Ивановна энергично затушила свою сигарету и направилась к выходу — Илья чуть успел услужливо открыть ей дверь и, проскочив вперед, торопливо проводить до турникета с вахтером.

2

Внешне Мишка Жмуркин и Илья Криворотов были совершенными антиподами. Мишка спортивный, подтянутый, волосы ежиком, чисто выбритый, всегда при галстуке и одет по моде — закупался он только в магазинах «секонд-хенд» и все носильные вещи на нем выглядели очень элегантно. Да и все остальное: зажигалкой бензиновой он пользовался только «Ронсон», авторучка «Паркер» с черными чернилами и золотым пером. Когда он однажды ногу подвернул, то и на работу-то пришел с изящной необычной тростью с серебряным набалдашником в виде обнаженной русалки, а, нажав на специальную кнопочку, выскакивал из недр трости довольно убедительный большой стилет, чуть ли не с полметра длиной. Правда, кто-то сболтнул, что никакую ногу Мишка не подворачивал, а похромать решил немножко, чтобы своей этой тростью похвастаться. Любил он также ссылаться на многочисленных своих далеких и древних значительных предков. Мама у Мишки, с которой они вдвоем жили в большой трехкомнатной квартире, была самой натуральной дочкой генерала, а в Москве, по его словам, у него где-то существовали два еще живых дядьки, генералы КГБ или уже ФСБ в отставке. Папаша Мишкин, хотя и умер давно, в советское время он занимал должность заместителя начальника областного управления торговли, а такой пост сам за себя говорит. Так что рассказывать о Мишке еще что-то — излишне.

Илья Криворотов, в отличие от Жмуркина, выглядел совершенным неряхой, и держали его на телевидении только за то, что уверенно зарекомендовал он себя прекрасным спортивным комментатором, разбирался в этом деле, знали его все наши городские спортсмены и любили. Правды ради, надо заметить, что неряшливость его выглядела довольно органично и не раздражала так, как может злить развязанный шнурок или пятно на рубашке у другого человека. Криворотов выглядел не как другой, а как свой! Хотя видок у него часто проглядывался совершенно не спортивный: косолапил Илья, горбился, одевался кое-как — кепка, куртка и бежевый свитер крупной вязки, — и ходил он, шаркая ногами, а при его весе сто двадцать все это выглядело кошмарно. Конечно, Криворотов брился, когда бывал с похмелья, поливая себя обильно каким-то ужасным вонючим одеколоном, но феноменальный язык его звучал всегда веско, значительно, связанно — артикуляция не подводила никогда, даже когда он плохо стоял на ногах! Криворотов еще и писал довольно прилично, а потому подрабатывал обзорами и в городской вечерке, и в двух столичных спортивных еженедельниках. Была у Криворотова когда-то семья полноценная с заботливой женой и с любимой дочкой, но сейчас, когда он развелся официально, бывшая пускала его на постой только изредка, чтобы привести в сравнительно божеский вид. Хотя у Ильи проблем с женским полом никогда не замечалось и в городе у него существовало еще несколько точек, где дамы принимали его в любое время суток и в любом виде.

Что привязывало Криворотова и Жмуркина друг к другу, даже не знаю, но в том, что они были настоящими друзьями — уверен. Может, вспомнился мне не очень удачный пример, но, когда у Криворотова умерла мать, Жмуркин, отдыхавший в Сочи на пляже, бросил все, сел на самолет и прилетел поддержать друга.

Конечно, у каждой дружбы должно быть какое-то сильное связующее звено: общее место проживания, или работа, или одинаковая болезнь, или просто общее хобби. У Криворотова и Жмуркина такое хобби было: оба они любили выпить. Причем они любили выпивать вдвоем друг с другом, и прочие варианты не нравилось им даже рассматривать.

Проводив свою начальственную гостью Ольгу Ивановну Шушляеву, Илья спешно поднялся на второй этаж, где располагались редакции и студии звукозаписи областного радио. Там же находилось и рабочее место его друга Жмуркина. Михаил сидел в редакционной комнате один за своим столом и о чем-то серьезно размышлял; вообще, наблюдая за Жмуркиным, можно было решить, что он постоянно над чем-то серьезно размышляет, что не соответствовало действительности — просто такое выражение его лица было как бы нулевым, то есть стандартным.

— Послушай, старик, — начал Криворотов, ввалившись в комнату к Жмуркину, — сейчас у меня была Шушляева из законодательного собрания. Знаешь такую?

— Знаю, конечно! Приходилось как-то!

— Пойдем на балкон, покурим.

— Пойдем. Так, может, сначала?.. — пожал плечами Жмуркин.

— А у тебя есть чего-нибудь?

— Так у меня всегда есть. Я тебя ждал.

С этими словами Жмуркин вытащил из ящика стола початую большую бутылку виски «Джемисон»; в бутылке было всего на три пальца жидкости, граммов двести, не больше, но этого могло хватить для утренней затравки.

— Ну, давай быстрее и пойдем на балкон курить. А еще — почему у тебя всегда в столе эти бутылки початые и ни разу полной не было? И бутылки всегда странные какие-то, не русские.

— Так я на презентации дурацкой вчера вечером был. Очередной учебный армейский центр открывали, зам министра обороны из Москвы прилетал, совершенно закрытое мероприятие. Вот, что удалось двумя пальцами, уходя, со стола зацепить, то и принес сюда. Тут уж не до выбора!

Друзья, сделав по два глотка прямо из горлышка, сунули пустую бутылку в мусорное ведро и отправились курить на балкон. Балконом в редакции назывался застекленный большой фонарь непонятного архитектурного первоначального назначения с двумя обшарпанными креслами и небольшим столиком в тупике коридора. И так как сюда приходили курить почти все работники этажа, то и назвать эту точку переговорной невозможно — всегда тут кто-то торчал и дымил. Сегодня друзьям повезло: они вдвоем сидели за столиком, курили и молча всасывали через стенки желудка бодрящие и укрепляющие первые утренние калории.

3

— Ну, и что же тебе сегодня доложила наша законодательная власть? Чем удивила, чем порадовала? — пуская струйку дыма в потолок, спросил Жмуркин.

— Предложила подработать. Есть у нее, у Ольги, бесхозных пять миллионов, которые надо освоить, вот она и предложила их мне.

— Понятно! Ты же у нас известный дамский угодник. Она глаз на тебя положила, чудюдо, а ты, как лопух, варежку-то и развесил: думаешь, что просто так она тебе пять миллионов предлагает?

— Нет, конечно, не так. Она мне на бумажке нацарапала какие-то циферки, а какие — я не разглядел.

— А бумажку она потом съела?

— Нет, в карман сунула. Только я ее давно знаю, а вот то, что она этими мутными делами занимается, не думал.

— Ну что ты — они там все уже с девяностых годов прокоррумпированы насквозь. Я помню, еще молодым был, в начале девяностых, занимались мы выборами с командой Марата Зильбера (даже не помню, кого мы тогда выбирали), так он тогда задачу перед нами всеми четко поставил: «Мы должны прокоррумпировать всех глав администраций районов, и только после этого можно будет спокойно здесь работать». А ты говоришь!

— Так вот, чего я к тебе-то! Она предложила нам провести какой-нибудь поэтический молодежный фестиваль, а на этот фестиваль, или конкурс, или еще какой-то праздник она эти деньги в виде гранта может отдать. Ну, она, в общем, сделает так, что их нам отдадут.

— А я тут при чем?

— Вспомнил я, что когда-то ты возглавлял Фонд журналистских расследований — был же у нас такой?

— Был, был. И я его возглавлял и сейчас возглавляю.

— А он еще жив?

— Может, жив, а может, и нет! Надо выяснить у Сони — она у меня там была бухгалтером. А меня выбирали сроком на пять лет, так что я еще полтора года могу считаться его председателем, если только этот наш фонд уже не закрыли.

— А кто его без тебя может закрыть?

— Ну, не знаю — мы же его создавали под одно только мероприятие, связанное с расследованием какого-то совершенно непонятного и темного убийства журналиста Николая Смирнова. И журналист этот был не наш, а из Москвы, и что за убийство было уже не помню, и убили его где-то в Чебоксарах, а не у нас. А почему председателем меня? А потому, что пальто у меня было тогда кожаное классное, точнее даже, плащ это был натуральный, смотрелся я в нем выгодно. Я же тогда даже пару раз ездил в Чебоксары.

— Ну, вот — теперь, может, еще сможет послужить нам этот твой фонд, он же оформлен как некоммерческое партнерство или еще как-нибудь так же соблазнительно и безответственно для получения этих пяти миллионов и их справедливого перераспределения! А что за Соня у тебя там бухгалтером?

— Наша Соня Покровская, ты ее знаешь.

— Чудесная женщина! Так звони ей!

— Давай, ты лети сейчас за продуктами в ларек, а я все детали выясню у Сони. Звонить не буду — я дойду до нее, она на нашем этаже сидит.

Илья Криворотов возвратился через двадцать минут довольный и с большим бумажным пакетом.

— Ты знаешь, Миша, даже не поверишь, как нам с тобой сегодня повезло: прямо на входе на наш Средний рынок ловит меня Вахтанг (ты знаешь его тоже), хватает и тащит к себе в подсобку, что-то при этом говорит-говорит, не поймешь по-каковски. А там, радостный и удивленный, как дурак, достает из заглазников своих вот эту большую бутылку армянского марочного коньяка и вручает мне. Веришь? Главное, я так и не понял: то ли он моим должником уже был, то ли я теперь его должником еще только буду. Не знаю. Но думаю, что со временем разберемся.

— Верю, Илья, верю. Давай сюда свой материал, — Жмуркин протянул руку к пакету, — что у тебя там еще?

— Вот, понимаешь, какой это неудобный период — март: мандарины третий месяц, как картошку жрем, в рот уже они не лезут и изжога. А может, и язва от этой кислоты мандари-

новой уже скоро будет. Виноград, который к нам из Израиля везут, безвкусный какой-то, водянистый и подозрительно крупный — наверное, генетически модифицированный. В общем, я взял кисточку винограда и пяток мандаринов.

— А почему пяток-то? Тебе три, а мне два, что ли?

— Нет, нам по одному хватит, а три ты Соне своей отнесешь.

— Да, у Сони Покровской я был. Фонд наш пока еще действующий, и даже какие-то денежки небольшие там, на счете, есть еще. Соня очень обрадовалась, что появятся новые поступления и она сможет выписать себе зарплату за этот и за прошлый год. Отчеты-то в налоговую она сдавала. Вот какие ответственные люди бывают: могла выписать себе зарплату и бросить фонд! А она фонд сохранила в надежде, что он, может, еще пригодится, и без зарплаты работала.

— То есть ты хочешь сказать, что она надеялась, что еще кого-нибудь из нашей братии, журналистов все же убьют?

— Что это?

— Ну, фонд-то твой журналистских расследований создан был, чтобы выяснить, как Колю Смирнова убили? Так?

— Так.

— Так чего же ты тупишь? Наливай!

— Сейчас налью! Только надо нам сейчас обоим твердо запомнить, что мы с тобой вечером оба комментируем хоккей: «Торпедо» — ЦСКА. Ты для нашего телевидения, а я для «Маяка» и только третий период. Ну, я тебе на хвост сяду, и мы на пару будем передачу вести. Согласен?

— Наливай!

На хоккей Жмуркин явился к третьему периоду в темных очках и в широкополой шляпе. Он уверенно и без стука вошел в комментаторскую кабину, и Илья чуть-чуть даже заволновался, увидев его. Перерыв только что начался, и десяти минут явно не хватало, чтобы привести Михаила в рабочее состояние.

— Ты где был, Миша? — жестко артикулированным, поставленным голосом, которым Криворотов обычно работал только в эфире, спросил друг.

— Не поверишь, Илья, — дядька приехал из Москвы, дважды герой Советского Союза, и я не мог его оставить без внимания. Понимаешь, у него две звездочки, два ордена Ленина, а носить ему их не положено — он же под прикрытием пятнадцать лет работал в США, резидентом нашим был. Сейчас он сюда к нам приехал, чтобы с Григорием Алексеевичем встретиться — посоветоваться надо.

— С каким еще Григорием Алексеевичем? — спросил Илья.

— Григорий Алексеевич у нас в стране один, и это надо помнить, — назидательно подняв палец к потолку, произнес Жмуркин, уселся на стул и заснул, успев прошептать: — Поработай за меня, пожалуйста!

— Охо-хо-хой! Горе ты мое луковое, — с любовью произнес Криворотов, — конечно, поработаю.

Он поправил на друге шляпу и вытащил из внутреннего кармана его пальто плоскую бутылочку коньяку.

— А вот это приятно, — так же вполголоса почти прошептал журналист, приобшился к бутылочке и начал готовиться к третьему периоду.

Сценарий поэтического фестиваля «Весна — молодые сердца» был написан быстро: день обсуждений и три вечера со стаканом; эти вечера заползли далеко за полночь, и уже через неделю все было готово; друзья даже засыпали на работе, благо у Жмуркина в кабинете стояла пара пусть и обшарпанных, но очень больших и уютных кресел. Оформляли Жмуркин и Криворотов все эти свои ночные заседания как дежурства с разрешения руководства, хотя и в административный отпуск их тоже отправили; вообще, хорошо быть на хорошем счету у начальства, многое тебе прощается и позволяется, если ты все, что требуется для работы, делаешь «на отлично» и без пререканий!

Каждый вечер у них теперь были гости, которых планировалось привлечь или в качестве информационного сопровождения, или в качестве исполнителей: рекламное агентство, транспортная компания, типография, канцелярская база, концертное бюро и еще какие-то люди, которые понимали, что от них требуется. Всем выписывались пропуска, все проходили в кабинет Жмуркина, все приходили с соответствующими продуктами, и все все понимали: предложение исходило от Законодательного собрания, а значит, придется все сделать. Руководство даже временно закрыло глаза на курение в кабинете у Жмуркина.

Уборщица Лиза, освобождая по утрам пепельницы и складывая пустые бутылки в пакеты, не ахала уже: она широко открывала рот и глазами шарил по потолку, рассчитывая там найти ответ на смущающие ее вопросы. Смущали ее в эти дни безобразные количества окурков и пустых бутылок, хотя ей казалось, что она уже все на свете видела, раз на телевидении работает.

И в редакциях газет, и на радио, и на телевидении, да и вокруг любого информационного ресурса всегда вьется изрядное количество вольных стрелков и помощников, готовых в любой момент чем-либо помочь, либо поддержать. В зависимости от внутренней установки, так называемые «вольные стрелки» могли в этих структурах и полезные знакомства завести, и небольшую денежку заработать, или просто стакан опрокинуть.

Такие помощники были и у Криворотова, и у Жмуркина. Потому с утра всегда следовал телефонный вызов, и тот из друзей, у кого голос был звонче, командовал:

— Сеня! У тебя есть чего-нибудь? Надо помочь, привези. Мы тебя ждем!

Конечно, это мог быть и не Сеня, а Ваня, или даже Руслан, но просьба всегда очень быстро выполнялась. В период авральной работы над проектом поэтического школьного конкурса-фестиваля «Весна — молодые сердца» утренний отчаянный призыв к Сене раздавался очень настойчиво и регулярно. Сеня тоже был в команде!

Это очень хорошо, когда за проектом стоит Законодательное собрание области: и радио, и телеэфир для юных поэтов были обеспечены, а сувенирной продукции было решено заказать в десять раз больше требуемого. Исполнители обещали потом рассчитаться с заказчиками за невыбранный товар по давно заведенным правилам, то есть наличными. Даже была уже предварительная договоренность с VIP-участниками: конечно, на звезд первой величины денег у организаторов не хватало, но пригласить Сашу Морозова на сцену гала-концерта и Михаила Задорнова посидеть в президиуме, а потом вручить ребятишкам грамоты они смогли.

За неделю регулярного и неограниченного употребления всякого рода возбуждающих напитков Криворотов опух, а Жмуркин наоборот похудел, и только глаза его горели, тогда как у Криворотова они стали совсем мутными. Такое физическое состояние через неделю стало волновать и самих друзей, потому как по их раскладкам они употребляли не больше, чем обычно, и качество продукции было таким же, как всегда; решили друзья, что они про-

сто переработали и переволновались. Надо было сворачиваться и идти на доклад к спонсорам и заказчице.

Ровно через неделю после первого разговора, день в день, Илья позвонил Ольге Ивановне и доложил, что сценарий праздника написан, смета подготовлена и они с Жмуркиным готовы их представить для утверждения.

— Что-то я не помню, о каком празднике со Жмуркиным вы говорите, Илья. Если вы хотите у меня снова взять интервью, то я готова к такой встрече. Но вы должны нашу встречу обозначить у своего руководства. Скажите своему начальству, что я сама напросилась на такое интервью. А сначала все же перешлите мне сценарий ваш — может, я что-то сразу поправлю там. Давайте через час к вам заскочит мой водитель, и вы передадите с ним все документы. Вы готовы?

— Да, конечно, Ольга Ивановна, — пролопотал Криворотов.

— А может, вы сами ко мне подъедете? Я буду на нашей базе в Зеленем городе, там и сауна прекрасная, и бассейн хороший.

— Нет, нет, нет, Ольга Ивановна — работы неуправляемой.

— Тогда завтра созвонимся!

— Да-да, хорошо.

Илья шел на второй этаж к Жмуркину на абсолютно ватных ногах: он понял, что расчет Ольги на его мужской потенциал был неоправдано завышен и фестиваль с пятиллионным бюджетом повисал в воздухе. Мишка дремал с открытыми глазами, сидя за столом, бессмысленно уставившись в потолок.

— Миша, ты опять был прав!

Криворотов уселся в кресло напротив Мишки.

— Конечно, прав! — проснувшись, заявил уверенно Миша. — А в чем?

— В том, что Ольга положила на меня глаз!

— А как ты это определил?

— Она пригласила меня сегодня в баню.

— Так это же здорово — ты ей спинку потрешь!

Жмуркин полез в стол и вытащил оттуда бутылку вина.

— Вот, смотри — мне друзья привезли из Крыма бутылку женского вина: мускат «Красный камень». Это самое вкусное женское вино, дважды объявлялось лучшим вином в мире: сотни наград. Когда этот напиток впервые завоевал золотую медаль во Франции, то лозу, с которой собрали виноград для этого вина стали культивировать, попытались ее размножить, пересадили на соседний склон, в соседнюю долину, но ничего не получилось — дрянь вырастала! Пришлось деревню Краснокаменку из этой долины переселить, фундаменты домов выкорчевать и всю площадь отдать под этот виноград. Вот как микроклимат какой-то одинокой долины влияет на вкус вина.

— Ты чего, хочешь, чтобы я эту бутылку подарил Ольге?

— Да ты совсем плохой. Тебе надо хорошенько выспаться. Я так тебя люблю и так волнуюсь за твоё здоровье, что хочу открыть сейчас эту бутылку и угостить тебя. У тебя, конечно, нет с собой штопора?

— Что это? Есть. Это ты с золотым «Паркером» ходишь, а мы, нормальные пацаны, как писал классик, ходим с ножиками. Вот у меня есть перочинный ножик, а в нем штопор. Держи!

— Спасибо! Только прежде, чем я тебе налью, ты должен оценить, что эту бутылку я хотел подарить маме!

— Не знаю, кто из нас серьезней свихнулся за эту неделю: журналист-алкоголик дарит своей маме бутылку вина. Она ее просто выльет в раковину, а тебя потихоньку сдаст в дурку.

— Я вообще-то передумал.

— И правильно сделал, что передумал.

— Я передумал угощать тебя вином. Держи свой ножик.

— Ты что? Так же не играют. Ты подразнить меня решил? Я тебе отомщу!

— Ладно! Только ты должен извиниться, потому что я не алкоголик!

— Ну, может, по русским меркам ты и не алкоголик, а вот по американским — алкоголик! Я только что прочитал статью одного американского профессора об алкоголизме. У них в Америке алкоголиком считается больной человек, который не может работать не опохмелившись! Понял? Раз, он не такой, как все, то он больной, но его можно и нужно вылечить, потому что он еще может работать и приносить прибыль. Вот мы с тобой можем работать только опохмелившись!

— Ладно, давай стакан чистый, он на подоконнике, книжкой накрытый, стоит. Только прошу, маленькими глоточками, а то больше не налью.

Криворотов достал стакан, но выпить не успел: запиликал его мобильник. Водитель от Ольги приехал за сценарием фестиваля. Илья вышел с бумагами на улицу: депутатша сидела в машине на заднем сидении, ехидно поглядывая на него через приоткрытое окно.

— Здравствуйте, Ольга Ивановна, — чуть ли не заикаясь, пролепетал журналист.

— Здравствуй, Илья. Я думаю, что завтра в первой половине дня мы с тобой увидимся. Конкурсная комиссия по культуре и образованию собирается завтра, вот мы все завтра и утвердим. Я вечером только пробежусь и посмотрю, все ли у нас документы.

— Хорошо, Ольга Ивановна.

— Я позвоню тебе до обеда.

— Хорошо, Ольга Ивановна.

Он поднялся на второй этаж к Жмуркину, чуть-чуть покачиваясь.

— Она меня завтра съест.

— Кто?

— Кто-кто! Не тупи! Ольга!

— А что она уже за тобой заезжает на автомобиле с персональным водителем? Это же прекрасно! Держи стакан, я тебе налью. Только прошу, не пей своими богатырскими глотками этот напиток, постарайся поцедить, посмаковать. Илья, прошу — это не самогонка.

— Давай наливай и даже не пытайся меня учить, как надо пить вино.

Криворотов, причмокивая с минуту, пил маленькими глоточками несчастные эти сто граммов, которые ему налил Михаил, потом поставил стакан на стол и уселся в кресло.

— А у тебя ничего нет попроще?

— А что, тебе действительно напиток не понравился?

— Нет, Миша — понравился! Просто, я считаю, что грех в таком состоянии использовать этот прекрасный крымский мускат для выхода из положения. Ну, если нет ничего, то давай налей мне еще граммулечку.

Действительно, мускат очень благотворно действует и на психику, и на мозг: после двухсот граммов вина Криворотов успокоился и крепко заснул в кресле, открыв рот, а Михаил почти трезвый пошел к маме домой.

Это все чепуха: что от хорошего вина голова с похмелья не болит, а от плохого болит. Все зависит от количества выпитого и от крепости головы: у некоторых дураков и без вина голова может болеть, да еще как болеть — иной раз такого натворят, чего от пьяного-то и не дождешься. То, что надо самогон на льняных семечках настаивать, чтобы убрать сивушные масла, и вот тогда уже никакая, самая слабая голова болеть не будет — это тоже чепуха! Просто не надо бояться, что с похмелья болит голова — это естественный процесс и к этому надо быть готовым, и знать, и помнить элементарные правила борьбы с этим явлением. Вот у некоторых женщин голова болит регулярно и не с похмелья, а по вполне естественным женским причинам, и они готовы к этому, и не орут на весь мир, а принимают какие-то меры обезболивающие, которые у них всегда наготове.

Жизненный опыт Криворотова говорил, что обезболивающее существует только одно и, как древние говорили: «симилиа симилибус курантур», что означает подобное лечится подобным, а следовательно, надо похмеляться.

Утром Илья, только-только проснувшись, сразу понял, что этим утром он умрет — бывает такое состояние и предчувствие. Не было еще и шести, и спал он почти десять часов, что вполне достаточно, но состояние головы было неудовлетворительное: казалось, что она вот-вот лопнет или глаза куда-то выскочат и убегут, уже как будто прицелились. Он сходил в туалет, плеснул холодной водички на лицо, потер под водой руки, но это не помогло — надо было лечиться.

Вернувшись в кабинет Жмуркина, Илья с удивлением (хотя способность удивляться он еще полностью и не восстановил) заметил, что его заботливый товарищ вчерашнюю бутылку вина не допил и не убрал — она почти полная, бесстыдно и ничуть не смущаясь, стояла на тумбочке, на самом виду. И вот тут на Илью напал самый страшный бич двадцатого века, который перекочевал и в двадцать первый: проблема выбора, проблема принятия решения, проклятый экзистенциализм. Вот Сартр, Камю или Хайдеггер не стали бы мучиться, они как придумали весь этот экзистенциализм, так и решали с его помощью все свои проблемы, а простым людям это не по силам!

Надо было срочно решить — где допивать вино: в кабинете у Жмуркина или пойти к себе и там не торопясь допить и попробовать еще раз уснуть. За этими тяжелыми и сложными рассуждениями он не заметил, как закончил бутылку замечательного крымского муската мелкими глоточками прямо из горлышка, и только после этого, никем не замеченный, спустился на первый этаж в свой кабинет и снова уснул — на этот раз уже в своем кресле.

Уборщица Лиза почему-то в тот день решила не трогать комнату Жмуркина, а потому Михаил, явившись с утра на работу, обратил внимание не только на пустую бутылку, но и на одинокий мобильник Криворотова, лежавший рядом с пустой бутылкой на тумбочке. Значит, Илья где-то рядом, решил он.

Несмотря на то, что неделя административного отпуска, со скрипом выданного руководством Жмуркину на подготовку молодежного конкурса «Весна — молодые сердца», заканчивалась только на другой день, он решил, что пора готовиться к трудовым будням. Никто ведь не отменял встречи, интервью, программы, а их надо готовить впрок.

Он обстоятельно протер бумажными полотенцами и влажными салфетками свои два стола, поминая уборщицу Лизу самыми неинтеллигентными словами, открыл окно, чтобы проветрить комнату и пошел в общественный фонарь покурить и пообщаться с народом: надо же выяснить, что произошло важного и интересного за эти дни. Вернувшись в кабинет через пять минут, он наткнулся на мигающий, квакающий и подпрыгивающий айфон

Криворотова. На экранчике светился и хлопал крылышками маленький голый херувимчик с настораживающей подписью «Ольга». Михаил нажал кнопку:

— Здравствуйте, Ольга Ивановна.

— Здравствуй, Илья. Я жду вас с Жмуркиным в одиннадцать в здании областной администрации в комнате триста двенадцать. Пропуска я вам заказала, не забудьте паспорта.

— Спасибо, Ольга Ивановна, мы будем, — очень слащавым голосом доложил Михаил депутатше, нажал на кнопку и тут же начал судорожно соображать, что делать с Криворотовым. Во-первых, надо его найти! Во-вторых — ни в коем случае не отдавать ему его телефон. И в третьих, надо ехать на встречу одному и самому на месте решать, как дальше жить.

Криворотова Жмуркин нашел очень быстро в его же кабинете: Илья спал в своем кресле и сердито во сне хмурился: видимо, и во сне приходилось ему с кем-то бороться. Это уже выглядело хорошо, и он решил не будить друга.

Михаил поднялся к себе, нашел в шкафу черную водолазку, пошарил в ящиках стола и выудил оттуда маленькую беленькую фарфоровую статуэтку собачки, скорее всего болонки, с полмизинца величиной, хотя он давно решил про себя, что это мадагаскарский бишон. Он припас когда-то эту безделушку впрок для подарка какой-нибудь незнакомой пока, но интересной даме, и вот такой случай подвернулся. В принципе, он был готов. Осмотрел он еще раз свои ботинки и протер их влажной салфеткой, проверил — все ли пуговицы пришиты на пальто, обрызгал себя очень суровым мужским английским одеколоном «Клиф Кристиан», который удачно скрывал запахи перегара даже после самых страшных застолий, и только после этого уселся, чтобы сосредоточиться. До встречи оставался час, и можно было уже не торопясь выходить, чтобы еще и насладиться ранним весенним солнышком.

Когда, спустя три часа, Криворотов проснулся, то он был абсолютно трезв, здоров и готов к активной жизнедеятельности. Правда, очень хотелось есть! У открытой форточки стоял Михаил и курил, презирая указы всех пожарных ведомств страны, запрещающих курить в телецентрах.

— Ну, что, пьяница, опять мне пришлось решать все вопросы самому?

— Какие вопросы?

— Это же счастье, Илья, что ты так удачно утром сегодня опохмелился и все по этой причине проспал! Если бы ты не похмелился, случилась бы беда: ты бы поехал к своей депутатше и все провалил. Был я сейчас на приеме у твоей подруги Ольги. Не знаю, что ты там навывдумывал про нее!

— А сколько времени-то?

— Московское время четырнадцать часов десять минут. Дожили — у тебя уже и часов нет!

— У меня мобильник есть!

— Нет у тебя мобильного. Он у меня в кабинете пищит, надрывается. В общем — докладываю. Все бумаги прошли утверждение, и бабки будут у нас на счету в течение недели. И второе: все мнимое интеллектуальное и физическое влечение нашей общей знакомой к тебе было связано с твоей фамилией. И все! Ты знаешь Ивана Ивановича Криворотова?

— Ну, слышал. Это главный врач областной больницы. Только он никакого отношения ко мне не имеет, и мы даже не родственники. Просто такая фамилия.

— Так вот: у нашей Ольги родилась идея-фикс поменять форму своих ушей или уменьшить их немножко. А какой-то Ольгин дружок сказал ей, что этот Иван Иванович Криворотов, твой однофамилец, единственный в городе мастер-хирург, который сможет улучшить ее ушки. Сам Иван Иванович это умение свое не афиширует, а даже скрывает,

потому что несолидно такое мастерство для главного врача большой клиники. Этот же дружок нашей депутатши рассказал ей и то, что Иван Иванович твой родственник. Вот она и решила через тебя свою проблему все же решить! Но сначала, чтобы поближе с тобой сойтись и не получить от тебя форменного отказа, она придумала провести этот маленький фестиваль. Вот и все!

— Ты знаешь, я очень хочу жрать. Пойдем куда-нибудь.

— Сейчас пойдем. Мы пойдем в Макдоналдс: во-первых — у нас сегодня праздник, а во-вторых — там не наливают.

— Я не хочу в Макдоналдс. Я хочу две порции простой сборной солянки с почками и сосисками и две котлеты с гороховым пюре, а потом трехлитровую банку томатного сока.

— Ну, это я уже и не знаю, как тебе помочь! Это ты хочешь пойти в какой-нибудь приличный ресторан?

— Да, хочу и выпивать я в этом ресторане не буду — честное слово. Только сначала расскажи, как мы с тобой будем исправлять уши нашей депутатше?

— Ты не поверишь: я сильно разочаровал Ольгу Ивановну, сказав ей, что Иван Иванович Криворотов не твой родственник и ты его даже не знаешь. Но я очень обрадовал ее, дожив, что мой троюродный брат Арнольд работает в Москве, в Кремлёвской больнице и исправляет носы, уши, брови и все остальное всем женам федеральных министров и депутатам Государственной Думы женского пола. Я обещал ей, что договорюсь. Она от радости танцевала передо мной цыганочку с выходом.

— Ты знаешь, Миша, что-то у меня снова аппетит стал пропадать. И как же мы из этого твоего трепя выкарабкаемся? У тебя же нет никакого брата Арнольда.

— Илья, это уже теперь моя проблема. Главное, что ты вовремя и удачно опохмелился. Правильно опохмеляться — это искусство; если этому не научишься, то лучше и не выпивать.

2022

АМЕРИКАНСКИЙ «КРЫЖОВНИК»

Конечно, мечтать надо, и стремиться к осуществлению любой своей мечты тоже надо. Однако я вполне сознаю, что, возможно, человек, осуществивший свою мечту, остается без чего-то очень дорогого и ценного, что его грело и двигало по жизни, притом иногда это могло тянуться довольно продолжительное время. То есть это значит, что часто важнее иметь мечту в ее неосуществленном состоянии, чем... потерять ее.

Просто есть вполне осуществимые мечты, а есть неосуществимые.

Правда, есть еще и трудноосуществимые.

Реальная мечта практически всегда присутствует у человека хворающего с похмелья, и на моей памяти он почти всегда удачно реализует ее. А вот моя мечта: написать что-то гениальное, вроде «Братьев Карамазовых» или «Тихого Дона» совсем нереальна по многим причинам, в том числе и потому, что мечта эта родилась во мне поздно — я уже стар.

В последние годы часто вспоминаю своих школьных товарищей, наши забавы, игры, развлечения — мне становится от этих воспоминаний тепло. Но, встретив недавно совершенно случайно одного из своих одноклассников, с которым не виделся почти полвека, я получил угнетающее разочарование — нам не о чем было с ним говорить, хотя и наш социальный статус и менталитет находились примерно на одном уровне. А вот наши обрывочные

школьные воспоминания касались совершенно разных эпизодов, которые каждый из нас взаимно не мог припомнить и потому расстраивался.

Хотя...

Мой другой школьный товарищ Володя, а точнее и правильнее его звать уже Владимир Иванович, потому что он и доктор физико-математических наук, и профессор МГУ, и просто очень солидный мужчина, приехал в наш, а так же и в свой родной город на конференцию. Мы не виделись с ним к тому времени уже несколько лет. Он позвонил мне по телефону и предложил встретиться для конфиденциального разговора.

На улице шел непрекращающийся дождь, стояла противная, промозглая осенняя погода — к тому же с ветром. О прогулках по памятным местам детства не могло быть и речи. Просидев с час в ресторане, мы отправились к нему в гостиничный номер: Володя доложил мне, что он в номере заварит чай, что у него есть совершенно замечательный чай, особый чай, который он возит всегда с собой, потому что какой-либо другой он пить не может.

Опустились осенние ранние сумерки. В номере с освещением, наверное, были небольшие проблемы: настенное бра светило очень скупо, а настольная лампа напоминала скорее ночник. А вот чай был действительно настоящий и волшебный: после каждого глотка легкие открывались настежь и хотелось дышать и дышать. Чувство, что наша встреча уже затянулась и пора расставаться, у меня постепенно начало вызревать, и тут я понял, что Володя хочет чем-то со мной поделиться. Потому и верхний свет он в номере не включал, чтобы не так сильно было заметно волнение.

— Старик, ты помнишь Анюту, ту, что жила с тобой в одном доме, в соседнем подъезде? Она была младше нас лет на десять, и потом она стала ненадолго моей первой женой. Ты должен помнить — она училась в одном классе с твоей сестрой!

— Ну, конечно, помню. Только я ничего про нее уже не знаю — ведь прошло, наверное, лет тридцать, а, может, и больше.

— Жаль — а я хотел с тобой посоветоваться. Ты знаешь, что она уехала жить к сыну в Америку?

— Да, слышал что-то такое.

— Так вот она позвонила мне недавно оттуда, из Штатов, и попросила, чтобы я забрал ее. А что значит: «забрал» — я так и не понял.

— Я тоже не знаю, мне трудно что-то тебе посоветовать в этом вопросе.

На том мы и расстались с Володей.

Конечно, я немного слукавил: я прекрасно знал и помнил эту смешную и неповторимую историю девочки, советской школьницы, возмечтавшей уехать жить в Америку, то есть в США, и, в конце концов, осуществившей свою мечту.

Она училась в одном классе с моей младшей сестрой. Помню, как она, учась в девятом классе, подошла ко мне около подъезда и попросила дать ей почитать двухтомник Томаса Манна «Иосиф и его братья» — она от моей сестры узнала, что таковой у меня есть и стоит на полке. Это была красивая, крупная, хорошо по-спортивно развитая молодая девушка, скорее даже женщина. Я к тому времени окончил университет, отслужил в армии, работал в газете, и был я очень удивлен таким ее интересом, настолько удивлен, что помню свою реакцию на ее просьбу до сегодняшнего дня.

— Аня, — спросил я у нее, — а тебе сколько лет? Это же очень сложное чтение!

— Пятнадцать, — ответила она, — Я знаю, что сложное. Я люблю такое.

И не было в ее ответе ни тени смущения и ни грамма закомплексованности. Она вернула мне книги через две недели, а я даже постеснялся спросить у нее мнение о прочитанном.

— Спасибо, — сказала мне Аня, но продолжала стоять и улыбаться мне.

— Аня, — спросил я тогда у нее, — а у тебя есть мечта?

— Конечно, — ответила она, — я мечтаю уехать жить в Америку, в США!

У меня внутри образовался второй приступ удивления от встречи с этой девушкой Аней.

Она вышла замуж за моего школьного товарища Володю, Владимира Ивановича, сразу же после окончания школы. Володя к тому времени как раз защитил кандидатскую, и ему предложили работу в каком-то хорошем закрытом институте в Подмоскovie: то ли в Дубне, то ли в Серпухове. Так что после свадьбы они выпали из моего обозримого окружения. Хотя до меня доходили слухи, что Володя постарался сделать так, чтобы Аня продолжила учебу, и она поступила в МГУ на филфак, который успешно окончила. Детей у них с Володей не было, а потом уже и всякую связь с ними я потерял, казалось, окончательно.

Но благодаря своей сестре, я узнавал все же что-то новое об Анюте. В университете, на кафедре какого-то специального перевода, она познакомилась с американцем Биллом Домески; он был на двадцать лет старше Анюты, но это ее не смутило: она развелась с Володей и вышла замуж за американца. Так задача минимум была выполнена.

Откуда Анюте было знать, что этот ее новоприобретенный дружок Билл, родившись где-то то ли в Техасе то ли в Аризоне, всю свою сознательную молодость мечтал жить и работать в Советском Союзе. Он работал у нас, в СССР, переводчиком по контракту уже год, до того, как встретился с Анютой. Министерство обороны и еще какие-то специальные структуры, на которые Билл работал, обеспечивали его всем необходимым, начиная от специальной литературы и квартиры в подмосковном городе Зеленограде, а в дальнейшем уже и лучшими компьютерами и программами. После женитьбы на Анюте, Билл стал еще и гражданином России: такое двойное гражданство возможно. Так что, если он и был разведчиком-агентом под прикрытием, то чьим — нашим или американским — я для себя так и не решил.

К тому моменту, когда Аня поняла, что ее мечта уехать с Биллом в Америку накрылась медным тазом, она уже стала мамой маленького сынишки, Валентина. А потом родились еще и Сашка, и Мишка. Аня варила борщи и жарила котлеты, солила огурцы, которые выращивала в тепличке на дачном участке и мариновала лисички, которые собирала в подмосковном лесу. Квартира у них с Биллом была сначала двухкомнатная, потом трехкомнатная, а потом уже и четырех. Не знаю, где жили родители Анюты, но в город к нам она приезжала раз в год обязательно, чтобы навестить школьных подружек: дружили они по-хорошему и всем своим классом регулярно собирались — сестра рассказывала. Один раз, лет десять назад, я мельком видел Анюту вместе с моей сестрой — в ней было уже больше ста килограммов, она по-мужски курила и было в ней что-то вообще мужеподобное.

Все трое Анютиных мальчишек были погодками и, чуть-чуть повзрослев, они очень походили друг на друга, и даже не как братья, а как близнецы — сестра их видела. Однако, если старший Валентин, получив на законных основаниях, как сын гражданина США, американский паспорт, уехал учиться в Штаты, а потом так там и остался, то два младших Анютиных мальчика пошли учиться в военные училища и стали нашими полноценными русскими офицерами. А Аня...

А Аня в пятьдесят лет стала вдовой, и никого из близких вокруг нее к тому времени уже не оказалось: ни детей, ни родных, не подруг. И только мечта, детская, школьная мечта продолжала ее греть: мечта уехать в Америку и жить там. Ах, как неожиданно эта мечта стала вдруг реальностью: старший сын и звал, и умолял ее приехать. И Аня поехала в Штаты, а, как мать своего сына, стала еще и гражданкой США.

Тогда, сразу после своего переезда в Америку, она регулярно звонила моей сестре, и, просто заливаясь, хвастала, что живет в каком-то Джорданвилле, и не с сыном, но зато очень беззаботно. В этом городке находится православный монастырь и процветает довольно большая русская община. Сама она регулярно ходит в местный православный храм, там же в храме она и подрабатывает, помогая убираться, но, что такое беззаботная жизнь она объяснить не может и не сумеет — это какая-то особая жизнь. Сестре регулярно звонил счастливейший человек, который осуществил заветную мечту всей своей жизни. Это был наш старый знакомый Чимша-Гималайский, но через сто лет и в женском образе — помните чеховского героя из «Крыжовника»? Помните, как исполнилась мечта всей его жизни, и как он ел эти кислые, зеленые волосатые ягоды со своего огорода, приговаривая — «вкусно!»

Анюта постоянно звала сестру приехать в гости, чтобы та с ней рядом могла беззаботно пожить и разделить ее счастье. Сын ее оказался довольно удачливым бизнесменом, и он готов был возместить все расходы на такую гостевую поездку. Эта американская идиллия длилась у Анюты год или два, и вот вдруг враз что-то поменялось в ее настроении, и тон телефонных монологов тоже категорически изменился.

А еще, и это ни я, ни моя сестра понять не смогли, Анюта почему-то в последние свои сообщения вкладывала очень много личных, ничем необоснованных сомнений и забот о своем будущем. Точнее — она начала беспокоиться, а кто же ее заберет оттуда — из Америки?

— А зачем? — спрашивала у нее сестра, — Куда тебя надо забрать? Ты же теперь гражданка США, и твое место там, на твоей новой родине!

— Во-первых, — резонно отвечала ей Анюта, — если я и гражданка США, то это не значит, что моя родина здесь. Это в корне не верно: моя родина там, где я родилась. А во-вторых, и это главное — я не хочу здесь умирать! Я не хочу, чтобы меня здесь закопали в американскую землю или сожгли в крематории. Я хочу, чтобы меня похоронили рядом с папой и с мамой.

Сестра позвонила и как бы с улыбочкой передала мне это неожиданное пожелание очень волнующее Анюту, и я тоже тогда вроде как посмеялся! Только потом до меня дошло, что ведь это совсем не смешно!

2022

Прозаик, эссеист, с 1991 года живет и работает во Франции, по профессии урбанист. Печатался на русском, французском, английском языках в российских и зарубежных периодических изданиях и коллективных сборниках, много лет вел рубрику «Взгляд» в финляндском историко-культурном и литературном журнале на русском языке «LiteraruS».

В издательстве «Вест-Консалтинг» вышли книги:

Игорь Воловик. Прогулки с Запада на Восток. Россия: какой она видится из Европы. Москва: Вест-Консалтинг, 2013.

Игорь Воловик. С ВОСТОКА НА ЗАПАД без подзаголовка. Москва: Вест-Консалтинг, 2022.

ДЫХАНИЕ СЕВЕРА

(Рассказ)

Dédié à mon père

Посвящается моему отцу

На экране компа появился парень в футболке от «Гуччи» и изобразил улыбку.

«...Друзья, если вам интересна дальнейшая судьба Вечного Города, то подписывайтесь на мой канал и не забывайте ставить like.

Прежде чем начать, хочу продемонстрировать вам интернет-игрушки, которые вы сможете выиграть, пройдя вот по этой ссылке. Вас также ждет бонус — настольная лампа в виде Колизея. Вот она. Спешу поблагодарить всех наших спонсоров.

В предыдущем посте, который вышел в прошлый четверг и который будет скоро помещен на мой сайт, мы изучали падение Римской империи летом 476 года Нашей Эры. Кратко напомним, что этот год, связанный с низложением лангобардами последнего императора с громким именем Ромул Август, знаменует переход от классической Античности в пучину Средневековья. Как мы выяснили, крушение — это лишь формальный факт, взятый впоследствии историками за одну из важнейших вех в истории всего человечества. На самом же деле император Ромул Август был, по-существу, лишь беспомощным ребенком («Августишкой», как его называли), а разложение римского общества и латинской системы в целом началось задолго до того момента. Интересно отметить, что осколки латинской цивилизации продолжали существовать в течение еще нескольких столетий после падения империи и проявляются до наших дней посредством языков, культуры и Права.

Итак, знакомясь с вашими комментариями, которые мне всегда приятно читать, я пришел к заключению, что нам необходимо поговорить о следующем, не менее важном событии в истории Рима, Европы и христианского мира.

Так вот, в 754 году, то есть почти через три столетия после крушения, Римские Папы заключают соглашение с франкскими королями. Благодаря этому союзу, наступает долгожданный конец бесконечных грабежей и разрушений со стороны бесчинствующих варваров. А кроме того, положено начало Папскому государству, что укрепляет статус Рима

как главного центра западно-христианского мира. Все прекрасно, скажете вы! Но не все так просто.

Переход под сюзеренитет каролингских франков означает отдаление Рима от Византийского влияния, а следовательно — еще больший культурный упадок.

Вообще эта эпоха остается, как мне кажется, недостаточно подробно изученной, особенно в плане анализа жизни и быта римлян середины VIII-го века.

Наверно, поэтому этот непростой период продолжает будоражить умы. Во всяком случае мне, например, по ночам не спится. Да. Но это не из-за того, о чем вы подумали, хе-хе... Ведь события той нестабильной эпохи, в которой сочетаются одновременно упадок и становление, а главное — переживания людей — напоминают странным образом время, в котором мы живем сегодня. Ну, мы обсудим это с вами уже в комментариях...

Так чем же являлся Рим в самой сердцевине Раннего Средневековья? Кем были его жители? Каков был их образ жизни? На мой взгляд, это не столько «темень» в истории, сколько слепое пятно в историографии.

И отношение к феноменам, происходившим в те времена, далеко не однозначно: откровенная ли это варваризация или же, наоборот, прогресс по отношению к прежней, рабовладельческой системе? Сам идентитет римлян той эпохи поставлен под вопрос: кто они? кем являются? кем себя ощущают?

Король франков, прозванный Пепин Кроткий... а мы знаем, что «пепин» это в переводе семячко... ну, фруктовое семячко, я имею в виду...

Она почувствовала, как усталость, накопившаяся за неделю, одолела ее, и она начала проваливаться в томную перину дрема.

—

*Покуда портик мой от гула бойни тих,
Я стилем золотым слагаю акrostих...*

Поль Верлен, Томление (пер. И. Анненского)

*Ты спрашивала шепотом:
«А что потом?
А что потом?»*

Евг. Евтушенко, Ты спрашивала шепотом...

«Помните ваши беды! Только работая денно и нощно, чтобы не быть в тягость ближнему... только там вы найдете спасение... Слушали ли вы наши напутствия? Забыли ли вы, что Он есть в деяниях ваших реальных, а не в словах...»

Она стоит у самой колонны. У одной из. Непроизвольным движением плечо влечет все ее тело к мрамору. Опереться. Но она поправляет его и выпрямляет стан, опустив голову. Лишь кисть правой руки слегка дотрагивается до шершавой поверхности столпа. Под рукавом это никому не видно. Когда же поставят скамьи...

«Ideo precor beatam Mariam semper Virginem, omnes Angelos et Sanctos, et vos, fratres, orare pro me ad Dominum Deum nostrum.»^{*})

^{*} Здесь и далее отрывки из католических месс на латинском языке.

Что он сказал? Она на мгновение отвлеклась, заблудившись в раздумьях, которые не покидают ее в последнее время. Звуки отражаются от каменных стен, излучающих запах сырости, но часть из них тонет в мягкой извести. Ты должна слушать! Вот уже месяц, как она не может привыкнуть. В прежнем храме было обыкновеннее. Даже людские испарения. От них шло тепло.

«Misereatur nostri omnipotens Deus et, dimissis peccatis nostris, perducatur nos ad vitam aeternam.»

Наконец, знакомые слова. Она радуется. Но в тот же момент термины разлетаются на невнятные слоги, словно хрустальный бокал, брошенный с силой об стену. Ее пронизывает страх. Именно ТОТ страх. Ее голова встряхивается, пытается отогнать мысль. Но струна холода сковывает ее тело под грудью. Нет, это просто холод от мрамора. Это холод мрамора. Повтори еще раз. Не могу. Больше не могу.

Она остается до конца. Смогла. Сегодня. А завтра? Под сводами она чувствует себя все более стесненной, и тревога закрадывается в сердце. Еще плотнее завернувшись в суконный платок, она направляется к выходу. Только бы не встретить... Вот и портал. Низкий. Деревянная балка почти касается волос. Ее голова опущена — так положено в церкви. Но она не любит наклоняться. Не привыкла. Еще не привыкла. Отец учил ее встречать жизнь и смерть, не теряя достоинства.

Ее ступни на плоской деревянной колодке, прикрепленной кожаным ремнем к ноге, подводят ее к левой половине лестницы, соединяющей здание с улицей, и осторожно ступают вниз. Она никогда не оступалась. Но плащ только что задел тумбу у паперти. Нельзя терять равновесие. Часть ступеней уже достроили, но рядом еще валяются камни. Их уберут. Наверно. Или вставят в новый фасад. Это остатки старого строения. Зачем оно здесь?

«Пожалуйста монетку, Милостивая... Так холодно!»

Она достает серебро. Да. Холодно. Холодно, как всегда в феврале, когда с севера дует ветер, пронося над ложбиной между холмами потоки незнакомых запахов. Чужих. С этими струями воздуха врываются в город влага и холод. Холод внутри. Потому что из-за гор всегда приходит тревога. К которой невозможно привыкнуть.

Очертания зданий поглощаются в серую мглу. Она страшнее черной. Издали раздастся звон колокола на базилике, что за рекой. Одинокому зову никто не вторит. Пока он еще не нашел в городе родственной души. Его отлили в Равенне и недавно привезли в город. Одни поговаривали, что он отгоняет злых духов, другие — что он предвестник конца света. Пойти обычной дорогой? О нет, не сегодня, только не сегодня. Она еще не готова. Вчера, по пути домой, она видела, как в переулке мужской силуэт в серых, как эта мгла, лохмотьях, метнулся, как призрак, в сторону другой — женской — фигуры, пытающейся отпереть свою дверь, и прямо на пороге насиловал ее. Силуэт, почти тень, хрипло выкрикивал что-то на незнакомом языке. Паломник. Их много. Теперь много. И все больше и больше. Они наводняют город в Пасху и на Рождество, приплетаясь к Северным воротам со всех сторон Света. Кто-нибудь из церкви видел это дикое действо? Что было делать? Она остановилась на углу и хотела бежать. Бежать от этого безумия. Но ее тело не подчинилось. Она хотела звать на помощь, но язык присох к небу. Она хотела прийти на помощь. Но ужас сковал ее крепкими объятиями. И спас. «В этом спасение ваше!» Вспомнила. Разве Иисус не призывал к преодолению страха? Согрешила.

Она пойдет в обход. По большой улице. Там еще есть люди. Еще есть. Хотя их все меньше и меньше. Этот квартал почти совсем опустел. Но церковь велели возвести новую.

Дорогу обрамляют фасады. Дома, дома, дома... Это уже не дома. Это пустые клетки. И проемы между ними. Груды камней, которые вывозятся на телегах. Их свозят в соседний

квартал, ближе к излучине реки, из которой можно черпать воду. Там много разных строек. Беспорядочных. Но это спасает от холода, несмотря на сырость в земле от болотистой почвы и наводнений. Ее дом стоит как раз между новым строением и развалиной, из которой соседи извлекают куски желтого туфа. Она не знает, какой семье принадлежит участок. Она избегает соседей. А дом сбоку пустой. Он цел, но в нем давно уже никто не живет. Кроме стаи черных птиц, которым она не знает имени.

Вот и дверь. Она достает ключ. Лязг. «Здравствуй, Марку».

Марку ее раб. И она должна отпустить его. Так сказал священник. Но после смерти мужа она больше не может этого сделать. Так в доме есть мужчина. Священник настаивал. Она хорошо знала, почему. Освободившись от рабства, Марку скорее всего придется стать христианином. А этого он не сможет сделать, потому что слишком предан своей — иудейской — вере. Поэтому она сменила церковь. Чтобы не злить священника. Пошла в новую. Не хотела. Но выбора у нее не было.

«Госпожа, я приготовил ужин. Вино, телятину и хлеб».

...А сейчас до церкви нужно пробираться переулками, спотыкаясь о камни. Стоять во время молебна. И слушать равнодушную проповедь. На старом наречии, которое стало уходить в неизвестное прошлое и перестало быть понятно. Священник обращается к пастве с акцентом, на котором говорят греки. Его прислали издалека. И ему все равно. Он просто читает текст. А понимает ли он его сам?

«Я очень волновался. Госпожа долго не возвращалась».

...Когда же все это закончится? Скорей бы конец света. Так нельзя думать, это богохульство! Можно. Ты не должна, это карается! Я могу, потому что я не знаю, что будет ПОТОМ. Ты знаешь. Ты рискуешь попасть в Ад! Так скорей бы это все закончилось. В Аду я живу давно. С детства.

«С этого момента ты должен будешь ходить со мной в церковь!»

«Но, Госпожа!»

«Принеси мне ополоснуть руки».

Она должна оберегать себя. И его тоже. Себя от паломников. Его — от священников. Марку — раб. Не более чем говорящий предмет. Но пока он есть в подчинении, он оособожен от посягательств епископов. Ей же надлежит нести ответственность за него, как за дитя малое, а тем самым и оберегать. Так было испокон веков, и так должно быть всегда, даже если в городе теперь принято считать, что рабы наделены душой. Пусть! Все равно их сейчас мало и они только в прислуге.

«Если я тебя отпущу, то тебе придется принять христианство. Ведь ты будешь беззащитен. А если ты не будешь сопровождать меня... то ты ведь знаешь, что у нас творится даже в мирное время. Паломники стали страшнее ломбардских северян, ведь от лохматых миланцев знаешь, чего ожидать, а основная масса паломников — непредсказуема. Если со мной что-то случится, ты не выживешь один. И ни одна иудейская диаспора тебя не спасет».

Почему рабы всегда, как ослы, отказываются идти на какие-либо уступки? Куда же их отпускать на свободу? Они не выживут без нас.

«Госпожа, мне не дозволено...»

Кто будет смотреть на то, что таят глубины его сшитых на миланский манер брюк?

«Это мне решать! Ты полагаешь, что ты нужен своей диаспоре? О нет, у них и своих теперь хватает. Хм, если бы ты был купцом, тогда другое дело, им все двери открыты. И горожане, которые ненавидят иностранцев, стали их терпеть. Потому что те привозят вино и масло. Кем станешь ты, когда попадешь на свободу? У тебя нет денег».

«Госпожа...»

«Принеси мне воду для омовения!»

«Госпожа ничего не ела...»

«И зажги светильник».

Ее плащ падает на пол. И снова лестница, только теперь вверх. Туда, где можно, наконец, немного отдохнуть и поразмыслить. И согреться. Если остались дрова.

«Утром пойдешь на Рыбный рынок! Кроме скумбрии, мне нужна льняная пряжа. Два локтя».

Слабое пламя свечек колеблется в ритм сквозняка, посвистывающего в ставне маленького квадратного окна, затянутого бычьим пузырем и перегороденного чугунной решеткой. Этот робкий блеск находит новую жизнь на поверхности красного вина, дрожащего в деревянной чаше. словно дьявольский огонь. Хотя бы ТАМ не будет холодно. Так нельзя думать! Бог все видит и слышит. Можно.

Она отпивает долгий глоток терпкой жидкости и опускается на каменную скамью. Увидеть. Увидеть эти видения снова. Они все чаще навещают ее. Наяву они не являются. Но приходят ночью, когда темно и когда голова проваливается в пустоту. И тогда словно приоткрывается дверь ТОГО — потустороннего — мира. Мира, который был. Или же того, который только будет? Потому что он не совсем похож на этот — привычный — мир, хотя она и узнает в нем отдельные знакомые ей черты, а иногда и людей, предметы и даже город. Но там Рай соседствует с Адом. И нет Чистилища. Ее же учат готовиться к совершенно другому. Ее готовят к выбору между Раем и Адом. Вероятно, видения — это просто возможность, посланная ей свыше, взглянуть мельком на то, как ТАМ может быть? словно прогулка. Как те, которые она совершает по городу, видя лишь некоторые аспекты из жизни горожан, тогда как остальные заветно сохранены от глаз ее за стенами домов и ставен.

Ее одолевает сон.

Вот отец. Его борода. словно у северянина, и выющиеся волосы. Она ненавидит их, северян. Потому что все беды от них. Потому что нужно жить в постоянном страхе, что они придут и уведут кого-нибудь или убьют. И когда их нет поблизости, то о них говорят. О них думают. Их видят в явлениях. О них мечтают. Они присутствуют даже в самом городе, в виде паломников. Некоторые паломники приходят из Милана, скрывая лицо, потому что на следующий год, ворвавшись в город, они будут грабить храмы, в которых вчера молились. А если представить, что их будет не один, как тот, что насиловал сегодня после мессы, и не несколько безоружных, а тысячи, все вместе, целой армией во главе с их кровожадными графами и королем, жаждущим превратить свою Павию или Милан в столицу мира... О них невозможно не думать. Потому что горожане сосуществуют вместе с ними в мыслях своих. Каждый день. Каждую секунду. И это не мешает дикарям в мирное время приходить в город под видом паломников. И насиловать здесь. Чтобы потом замаливать грехи. И снова приходить всей армией, чтобы убивать. И снова и снова.

Но у отца борода мягкая, нежная. А она — малышка. Он берет ее на руки и несет по улицам в сторону реки. Среди стен и людей, лошадей и телег. Чтобы она видела жизнь.

Она никогда не выходила из города, потому что это было опасно. По дорогам среди полей и лесов рыскали разбойники, обирая прохожих и путешественников. Большую часть времени она проводила дома. Среди родных. Брат играл с ней во дворе. Отец рассказывал, что постройки, некогда обрамлявшие двор, были снесены его прадедом, чтобы из их камня надстроить новые комнаты над основной частью дома. «Чем выше, тем лучше видно, не идут ли варвары». Так появились на третьем этаже окна, выходившие с тех пор на улицу.

А внизу были укреплены стены. На случай осады. Жить тесно было теплее. Ведь зима становилась все холоднее и холоднее.

Однажды, уже подростком, отец повел ее в каменоломни. О них ходили дурные слухи. Поговаривали, что среди руин бродят паломники, в пещерах ночуют отшельники, а в пустынных залах обитают привидения.

Был залитый солнцем весенний день. Он взял ее за руку и повел. Они шли сначала вниз, потом немного вверх по возвышенности. Под ногами валялось все больше камней и осколков. Постепенно городской шум и говор начали оставаться позади. А жилища сменились руинами. Ей стало не по себе. Зачем он привел ее сюда? Чтобы напугать? Еще больше? Она и так живет в вечном страхе. И только редкие прогулки вдоль реки среди рыночной толпы скрашивают ее унылое уединение. Зачем ей еще больше страданий?

Внезапно за поворотом переулка, вернее земляной дороги, по которой они шли, она остановилась. Ее рука выпала из ладони отца. Перед ней, у самых ее ног, простирался дивный сад. Белым цветом рассыпались повсюду вишневые и грушевые деревья, на лугах паслись коровы, а козы брели вверх на холм, увенчанный колоссальным дворцом. Который был пуст. Свежий сухой воздух и умиротворение безраздельно царили здесь. Вместо непрерывного гула людской толпы, затихавшего лишь ночью, мычание и блеяние только подчеркивали кристальную тишину. И среди всего этого великолепия природы возвышались белые колонны, которым не было числа. Она никогда еще не видела такого огромного количества столпов, многие из которых лежали, приминая сочную землю. Арки, треугольные фронтоны, лестницы, постаменты фонтанов... Близну мрамора обвил дикий виноград, а мох приласкал ее своим мягким телом. Из внутренностей огромных зданий без крыш устремились к открытому небу кипарисы. Этому саду не было границ. Он был насравненно шире, чем те кварталы, в которых они жили и которые казались ей немальными.

«Были времена, когда город был велик. В нем жило в десять раз больше людей, чем сегодня. И все поклонялись ему. Он был несметно богат. И в него свозили драгоценности со всего мира. Так гласит легенда. Но это было давно. Сотни лет тому назад. А предки твои были вхожи к правителям. Знай это! Когда отцы города предательски бежали, наш род продолжал существовать. Мы жили в тени, стараясь не быть на виду. И это позволило нам в то тяжелое время сохранить часть тайнств Прошлого. Помни это! И носи это в себе».

«Так вот где должны жить ангелы!» — воскликнула она восхищенно, вспомнив светлые речи священника о Рае.

«Так нельзя говорить! И даже думать. Это богохульство. Ангелам здесь не место!»

«Но почему? Я бы переселила весь город сюда. Здесь так прекрасно!»

Отец схватил ее снова за руку и повел, почти потащил вниз, туда, где зияла ниша какого-то круглого здания гигантских размеров.

«Вот, смотри! — выдохнул, почти выкрикнул он ей, совсем запыхавшейся. — Это бывший цирк. Да, он прекрасен. Был прекрасен. Пока у него не стали падать стены, а горожане выламывать кирпичи и мрамор. Здесь устраивали представления. Мы таких сегодня уже не видим. Ни одна церковная процессия не может сравниться с теми пышными праздниками. А затем здесь, да, именно на этом месте, тигры и львы раздирали людей, и публика аплодировала... Потому что их жертвы были христианами. Первыми христианами... В те далекие времена нечестивые горожане верили в разных идолов, которых они называли богами. Но были это не боги, а духи. Я объясню тебе потом... А когда часть горожан последовала учениям Иисуса, то весь плебс решил наказать их, бросив живьем на растерзание. И тогда настала Божья кара и пришел великий холод, а вместе с ним неурожай, голод и болезни. Правители бежали. А вместо них явились орды дикарей с раскрашенными лица-

ми и стали грабить, жечь и истреблять. С тех пор вот уже не первое столетие они убивают нас. И Божья кара продолжается и будет продолжаться, даже если варвары не красят больше свои косматые морды и посещают храмы».

«Теперь я могу понять дикарей. Они просто хотят заполучить эту красоту. Но им кто-то мешает. Поэтому они возвращаются сюда снова и снова... Это хуже Божьей кары! Потому что я чувствую, что варвары не подчиняются Ему. У них нет Бога, и они Ему не подвластны».

«Не говори так! Хоть ты не гневи Его...»

«Папа, мне страшно... Уведи меня скорее отсюда! Эта красота и есть источник мучений».

«Запомни! Ты — наследница этого великого города. Его прошлого. И его будущего, если оно настанет. Несмотря на свои прежние грехи, город создал многое. Он — в основе того, чем мы сегодня живем. Что бы ни произошло, помни об этом. Но храни в тайне».

«Зачем?»

«Чтобы сохранить себе жизнь. Если священники узнают об этом, то накажут тебя. Потому что они прокляли Прошлое. А если узнают варвары, то отберут у тебя все, и даже жизнь, думая, что у тебя хранятся богатства. Я обучил тебя грамоте. Со временем ты прочитаешь свитки, которые достались мне от прадеда и которые я храню у нас в погребе. Ты передашь это своим детям».

«Для чего?»

«Чтобы не дать городу умереть раньше времени».

Вскоре отца не стало. А вслед за ним и матери. Только брат присматривал за ней. А однажды, когда настал очередной голод, он сказал, что оставляет ее на раба Марку и поедет в город Константина искать денег. Он сел в Остии на корабль, и больше его никто не видал. Поговаривают, что его забрали в плен сарацины.

В городе всегда много чего говорят.

Видения улетучиваются точно так же, как и появились — внезапно. А вместе с ними и сон. На столе стоит чаша с недопитым вином. Сквозь щель в ставне пробивается пучок блеклого утреннего света.

«Марку!»

Ах да, я посылала его на Рыбный базар, что прямо напротив острова на реке. Заодно поболтает там со своими из иудейской диаспоры. Это пойдет ему на пользу. Хоть те и не уважают его за рабство и бедность. А может, и купит у них сукна подешевле, все же он им не чужой, да шелка, что те привозят из Палестины. Если останется денег. Вестей из поместья не было давно. А с ними и денег. Да и цело ли оно?

Сегодня она пойдет на большой рынок у подножья паперти Пресвятой Девы Мучеников, что под куполом. Там можно послушать о том, что делается в остальном мире.

И снова бесконечные переулки и дома, перестроенные, втиснутые между колоннами, или новые, еще полупустые, соседствующие с обветшавшими зданиями, из которых выламывают карнизы. И снова темная толпа, кричащие на руках дети, хромы старики. Телеги, груженные капустой, сеном и камнями. Подземные акведуки, зияющие в дырах под ногами. Навоз и отходы.

Когда-то под сводами Пресвятой Девы Мучеников она встретила своего будущего мужа. Она вспомнила высокий купол этого старинного храма, построенного, как говорили, много веков назад. В самом центре свода было проделано круглое отверстие, через которое она увидела небо. Словно глаз божий смотрел на нее, благословя. Здесь, в момент литургического экстаза, жаркие пальцы Стефана крепко и нежно сжали ее ледяную руку. На мгновение она вспомнила его взгляд. Но и Стефан ушел... Погиб от руки северян.

«Милостивая! Не купит ли у меня вина? Оно прекрасно разогревает! Знет ли Милостивая новость? Ведь наш Светлейший поехал в страну, которая лежит далеко за землей Длиннобородых, там, за снежными горами где-то еще дальше на север или на запад. Представь, как это далеко от нас и какие чудища там могут жить... Вот, попробуй, вкусно? Виноградники Целия... Так Светлейший будет короновать их принца! Не слыхала?.. Ха-ха. А если Милостивая приобретет у меня еще и масла... я его из Тоскии получаю... Благодарствую, двух монеток вполне хватит... Их будущего короля прозвали Семячком. Ха-ха. Сами варвары дали ему это имя. Да-да. Семячко, да еще и Кроткое! Даже Длиннобородые не додумались бы до такого прозвища!.. А если Милостивая купит у меня еще и овечьего сыра, то я расскажу ей и самое интересное... Какой тебе кусочек? Вот этот? Овцы и козы с лугов Палатина... Так вот, только шшш... Светлейший наш обещался пригласить Семячко со своей гвардией в город. Представляешь? И устроить им парадный пир. Ха-ха... Ну, всех благ тебе, Милостивая!»

Она не верит ушам своим. Или она ослышалась, как вчера на молебне? Как могут они впустить варваров в город? Даже если они и стали христианами. Она помнит последнюю — особо жестокую — осаду Длиннобордыми, как называли ломбардцев. Это был настоящий ужас. Была снова паника. Люди готовились к новым мучениям. Да разве к ним можно привыкнуть? Она думала, что перебьют всех горожан. Но северяне внезапно отступили от стен. И ушли к себе, в Павию. Это было огромное напряжение, которое охватило всю живую энергию. А теперь дикарей не просто впускают в город в виде паломников. Их примут с почетом и уважением! За что же мы боролись? Как и все горожане, она бесконечно доверяла главе Церкви. Его прозвали Отцом, а затем и просто — Папой. Он был Отче всех. А теперь?

Она не готова к завтрашнему дню. Что будет ПОТОМ? После смерти? Успеет ли она сделать достаточно добрых дел, чтобы не попасть в пекло? Отпустить раба? Этого достаточно? На самом деле она боится только насилий. Только насилий. Повтори еще раз. Не могу. Устала.

У нее словно две жизни. Одна — на холмах, цветущая и в руинах. Другая — у реки, черная и болтливая. Первая дарит живые соки второй. И есть еще две жизни. Та, которая сегодня, и та, которая настанет ПОТОМ. Но обе окутаны шалью неизвестности. Как прихожанки.

Она идет домой. Ключ. Лязг. Марку еще не вернулся. Может, он не вернется и вовсе? Ее ступни на деревянной колодке спускаются машинально в погреб. Паутина. Свитки. Затем поднимаются в спальню. Руки отпирают ставни и она садится на табуретку.

Пальцы правой руки берут палочку, мокают ее в блестящие свинцовые чернила и вырисовывают на клочке овечьей шкуры: «Roma. Menso Febuario, Anno Domini DCCLIII. Finem mundi».*

«Fratres, agnoscamus peccata nostra, ut apti simus ad sacra mysteria celebranda», — доносится монотонно снаружи. — Бом, бомм, боммм!

Идет середина VIII-го века.

* Рим. Февраль 754 года от Рождества Христова. Конец Света.

Говорят, ночные видения не длятся более доли секунды. Но за эти считанные моменты человек способен «прожить» целые дни, если не недели, и колоссально много пережить. Так устроены нейронные связи, которые соединяют наше подсознание с сознанием, даря последнему тот, «потусторонний» мир.

Голос по youtube продолжал бубнить на той же самой ноте, при этом глаза парня на экране водились из стороны в сторону, как у лунатика, слизывая текст с ленты.

Она нажала на «мышь», отправила коммент: «Спасибо за поучительный пост. А что с ней стало потом? Продолжение будет?» — и вышла из Нета.

Она еще полностью не осознавала, где находится. Но знала только, что не станет включать телевизор, из которого беспрестанно доносятся обрывки фраз: «экономический кризис... война... уровень безработицы... цены на газ... глобальное потепление... демонстрация... нападение на улице... наркотрафик... забастовка... крушение поезда... взрыв на атомной станции...»

Гренобль, сентябрь 2023

Прозаик, поэт, литературный критик, общественный деятель. Родилась и выросла в Москве. Окончила славянское отделение филологического факультета МГУ. Занималась поэтическим переводом с чешского. В 1979-м эмигрировала в США. Издала несколько книг стихов и прозы. Стихи, переводы и рассказы Елены можно найти в периодических изданиях, сборниках и альманахах Москвы, Нью-Йорка, Бостона и Филадельфии, а также в Интернете. Живет в Нью-Йорке. Она основатель и президент Бруклинского клуба русских поэтов, а также вице-президент объединения русских литераторов Америки — ОРЛИТА. Член Союза писателей XXI века.

ВСЕ КАК ВСЕГДА

(Рассказ)

Стояла промозглая нью-йоркская зима, с мокрым снегом и ветром, срывающим головные уборы прохожих и треплющим волосы или обнажающим их отсутствие. Прохожие зябли, поднимали воротники пуховиков, дубленок и непромокаемых курток, стремясь, как можно быстрее, пройти расстояние от дома до машины, до магазина или до места работы — словом, от одного укрытия до другого. Так пройти, чтобы не поскользнуться, не сломать ни ногу, ни руку и в целости и сохранности вернуться домой. Февраль — хоть и короткий, но самый непогожий месяц в Нью-Йорке. В феврале хочется помечтать о теплых краях, куда можно уехать, улизнуть, чтобы хоть на какое-то время забыть о непогоде и насладиться отдыхом на солнечном пляже, словом, «обмануть природу», вкусив летнего тепла во время зимы.

— Давай махнем куда-нибудь в теплые края. Все равно куда: на Карибы, Багамы или в Мексику! Я могу взять отпуск на десять дней. Да я просто должна взять отпуск и уехать из Бруклина. Если я здесь останусь до конца февраля, у меня крыша поедет, начнется депрессия. Она уже начинается, — пожаловалась Катя мужу.

— Неплохая идея. Мне тоже осточертела эта гнусная февральская погода. Сегодня же поговорю с начальством, — ответил Катин муж Володя и обнял жену.

Володе исполнилось тридцать, Кате — двадцать семь. Они не были молодоженами, но за пять лет супружеской жизни как-то сумели сохранить свежесть чувств и согласие. Правда был один довольно весомый камень преткновения: Володя любил выпить вечером после работы и по выходным. Он не напивался, как говорят в народе, в стельку, до поросычьего визга, не буянил, не молил языком чужь. Просто брал в руки гитару, какое-то время напевал любимые супругами песни, потом убирал гитару в чехол, улыбался виноватой улыбкой (мол, прости, дорогая, я пойду вздремну) и ложился спать. Засыпал Володя мгновенно и мог проспять целый вечер и ночь в придачу. Сначала Катя пыталась бороться с Володиным пристрастием к спиртному, ей даже удалось на какое-то время приобщить мужа к обществу Alcoholic Anonymous. Но посещения так называемой «спасательной» группы длились недолго. Очень скоро Володе надоела эта «унижающая его достоинство обязателька», и он решительно высказался: «Все! Больше я туда не пойду. Никакой я не алко-

голик. Пустая трата времени. Хочу — пью. Хочу — не пью». И выпивки продолжались, правда, теперь не каждый уикенд и не каждый вечер.

Катя поняла, что ничего сделать с этой проклятой привычкой мужа не может и прекратила всякие попытки борьбы с Володиным пьянством.

* * *

Все складывалось удачно. Володя и Катя получили двухнедельный отпуск и решили поехать на западное побережье Мексики — в Акапулько. На восточном побережье в Канкуне они уже побывали. Хотелось новизны впечатлений. Катя отобрала летние вещи, кое-что прикупила и сложила в чемодан и дорожную сумку. Прямого рейса Нью-Йорк — Акапулько не было. Пришлось взять билеты с пересадкой в Хьюстоне. До Хьюстона шесть часов лету, от Хьюстона до Акапулько еще около трех часов. Вылетели из Нью-Йорка на заре. Долетели до Хьюстона, забрали из багажа чемодан, взяли тележку и пошли пешком через весь аэропорт на посадку самолета до Акапулько. Оставался один час до отлета. Володя решил выйти из зоны NO SMOKING — покурить. Катя осталась в зале ожидания. Время пролетело быстро. Началась посадка на самолет, а Володя все еще не вернулся. Катя места себе не находила. Он появился как ни в чем не бывало, буквально в последнюю минуту, когда уже начали убирать трап.

— О господи! Где ты был? — Я уже начала психовать. Думала, с тобой что-то случилось. Мы почти опоздали на самолет! — причитала Катя.

— Ничего не случилось, Катюша. Все в порядке. Я просто покурил и потом зашел в сувенирный. Вот купил тебе шелковый платок на шею, — сказал Володя и улыбнулся своей всегдашней, обезоруживающей жену (да и друзей) улыбкой. Кате хотелось его убить, но она сдержала свой воинственный порыв, благодушно приняла подарок и сказала: «Спасибо, любимый!» Катя привыкла к Володиным непредсказуемым поступкам и научилась сглаживать конфликты.

Аэропорт в Акапулько не был модернизирован. Кондиционирование воздуха отсутствовало. В зоне прилета толпился разношерстный люд (кто по-зимнему одетый, кто по-летнему). В жарком воздухе стоял душливый запах пота. Катя сняла дубленку и сменила сапоги на босоножки. Володя последовал ее примеру, скинул пальто, свитер, оставил рубашку с короткими рукавами. Стало легче дышать, и на душе тоже полегчало. Они взяли такси и поехали в свой отель.

Выбранный ими недорогой отель находился на краю города, на горе, в «замке» под старину. Двухкомнатный номер включал спальню и гостиную с небольшой открытой верандой, ванную комнату и кухню в закутке (с холодильником и электрической плитой). Отнюдь не люкс, но все удобства, необходимые для отдыха. С веранды открывался потрясающий, перехватывающий дыхание вид на залив.

— Какая красота! Ты молодец, что выбрал это местечко для отдыха, — сказала Катя мужу и обняла его.

— Тебе нравится, правда? Я старался, чтоб недорого, удобно и красиво. Давай распакуем чемодан и баул, скинем брюки, наденем шорты и спустимся вниз на ланч в ресторан. В брошюре указан местный ресторанчик. Надеюсь, не отравимся.

Они переоделись в летнюю одежду, закрыли апартаменты и спустились по круговой дороге, которая обрамляла «отель-замок», в ресторан. Разместились на открытом воздухе под большим навесом. Подошел официант — вежливый, небольшого роста мексиканец в национальном костюме: узких черных брюках, белой рубашке и широкополой шляпе сомбреро. Принес меню.

Меню было самое обычное, типично американо-европейское: омлет, блины (crepes) с ягодами или сметаной, овощной салат, сэндвичи, чай, кофе, пирожные, минералка. Единственным мексиканским блюдом была картофельная тортилья. Решили пока не экспериментировать с тортилей, заказали омлет и кофе с пирожными. Хотели пойти на пляж, но после долгого перелета и обильного ланча отяжелели и вернулись обратно в номер вздремнуть, чтобы набраться сил для новых впечатлений.

Катя легла в спальне, Володя предпочел раскладной диванчик в гостиной. Это означало, что у него в кармане припрятана фляжка с коньяком, из которой он намеревался отпивать в одиночестве, зная, что эта заветная фляжка действует на Катю, как красный цвет на быка. Но Катя даже не удивилась. Все как всегда.

* * *

Утомленные, они проспали до вечера. Темнело рано. В полседьмого солнце уже ушло за горизонт. На территории отеля и вдоль винтообразной дороги зажглись фонари. Но пляж погрузился в темноту. Купаться в темноте было как-то неуютно и даже боязно. Заказывать такси и ехать в город в первый же вечер отдыха Катя и Володя не захотели, смотреть по телевизору сентиментальные мексиканские сериалы — тоже. Не за тем сюда приехали. Решили спуститься вниз по дороге и поискать в поселке какой-нибудь местный продовольственный магазинчик, лавочку. Надо было купить все необходимое для завтрака: чай, кофе, минералку, хлеб, сыр, молоко, сахар, джем, печенье. Может, что-то еще. Завтраки в отеле не были предусмотрены. Ресторан открывался только к ланчу в полдень.

— Ну что? Возьмем машину в рент и поедем в город или пойдем в поселок пешком? — спросила Катя.

— Зачем нам машина? В город поедем завтра. Давай пройдемся по близлежащим окрестностям, так сказать, исследуем местность. Не думаю, что вблизи отеля эта прогулка для туристов опасна, — решил Володя.

— Не знаю, не знаю. Впрочем, ОК! Как скажешь. Полагаюсь на твой разум и смекалку, — нерешительно ответила Катя.

К вечеру стало прохладнее. Катя даже накинула кофточку. Володя решил обойтись без пиджака. У него была от природы горячая, да еще подогретая коньяком, кровь. Они спустились вниз к выезду и выходу из отеля и спросили охранника в будке, как пройти до ближайшего продовольственного магазинчика. Испанского языка ни Катя, ни Володя не знали, объяснялись при помощи жестов и англо-испанского разговорника, который Катя предусмотрительно захватила с собой. В итоге гости и доброжелательный, охочий до болтовни охранник друг друга поняли. Он указал им дорогу.

Чем дальше наша парочка отдалялась от отеля, тем меньше было фонарей. Дорогу освещало лишь яркое звездное небо, которое бывает только в южных странах. Да, романтично! Но без искусственного освещения Кате стало как-то не по себе.

— Может, вернемся в отель? Не нравится мне эта темнота. Зачем искать приключений на свою голову? Того и гляди на дорогу выскочит грабитель, бандит с ножом, — сказала Катя мужу.

— Мне тоже не нравится эта темень. Но я не думаю, чтобы здесь водились воры и бандиты. Это бы отразилось на репутации отеля. Предполагаю, что между хозяевами отеля и местной шпаной и головорезами существует некая договоренность, типа: «Мы вам отстегиваем определенную сумму, а вы здесь не появляетесь и не мешаете отдыхать нашим гостям. Что-то в этом роде. Я даже где-то об этом читал. Но мы уже почти пришли. Вон,

видишь, наш магазинчик светится вывеской «productos y recuerdos» (продукты и сувениры)? И, вообще, если всего бояться, надо сидеть в Бруклине и никуда не ездить. Хотя у нас в городе тоже небезопасно. Вспомни сама. На тебя нападали два раза. У меня в сабвее украли портфель.

Катя кивнула головой, промолчала. Володины доводы были неоспоримы.

Наконец они дошли до местной продовольственной и сувенирной лавочки. Внутри было довольно чисто. Видно, хозяева дорожили репутацией своего магазинчика. Народу — почти никого. Разве что за столиком в углу сидели два подозрительного вида туземца, распивавшие пиво и с любопытством поглядывавшие на Катю с Володей. «Мол, чего эти gringos (американцы) сюда приперлись в столь поздний час?»

— Buenas noches! (Добрый вечер!) — приветливо сказали Володя с Катей.

— Buenas noches! — вежливо ответил хозяин магазинчика и добавил: Puedo ayudarlo? (Чем я могу вам помочь?)

Супруги открыли испано-английский разговорник и с его помощью купили все, что нужно, по списку, и даже бутылочку текилы. Катя была против, но Володя настаивал:

— Быть в Мексике и не купить натуральную местную текилу?! Это же не просто напиток, это своего рода сувенир!

— Текилу можно купить и в Нью-Йорке. То же мне сувенир! К тому же мы еще успеем купить настоящие сувениры! Наш отдых только начался, — пробовала возразить Катя, понимая, что этот «сувенир» не доживет до Нью-Йорка и пойдет в расход в тот же вечер.

У Володи не было дополнительных аргументов. Он просто пожал плечами и молча включил бутылочку знаменитой мексиканской текилы в перечень необходимых для отдыха продуктов. Катя уклонилась от возражений. И снова подумала: «Все как всегда!»

Попрощавшись с хозяином продовольственной лавочки, супруги вернулись в отель спокойно, без приключений. Поужинали бутербродами с сыром, запили чаем. Спать легли рано и, по инициативе Володи, — снова в разных комнатах. «Я люблю тебя, Катенька, но мне для отдыха нужно свободное пространство», — объяснил Володя. Катя не возражала. «Пусть каждый отдыхает, как хочет. Иначе наш отпуск превратится в перебранку и потеряет всякий смысл», — решила она и отправилась ночевать в спальню в одиночестве.

Утром супруги встали рано, в семь часов, быстро позавтракали все теми же бутербродами с сыром и джемом, выпили по чашке кофе. Катя — кофе с молоком и сахаром, Володя — без — и отправились на пляж.

— Какая прелесть! Народу почти никого, чистейший желто-белый песок, пляжные зонты без дополнительной оплаты, голубое небо без единого облачка, утреннее, щадящее солнце... Словом, благодать, да и только! Правда, Катюша?» — высказался с явным удовольствием Володя.

— Да, Володенька! Все пока замечательно, — ответила Катя, скинула пляжный халатик и, пройдя прибрежное мелководье залива, с наслаждением погрузилась в глубину и поплыла стилем брасс. За ней поплыл кролем Володя. Катя обычно делала дальние заплывы, медленно и долго наслаждаясь процессом плавания. Володя, наоборот, плавал быстро и на короткие расстояния. То ли не хватало дыхания, то ли боялся сердечного приступа. Один микроинфаркт уже был... Врачи предупреждали, что повторный инфаркт может уже быть не микро. Рекомендовали бросить пить и курить. Но кто же слушает врачей и голос разума?!

Посидев пару часов под навесом на пляже, супруги вернулись в свои апартаменты, приняли душ, слегка отдохнули, переоделись и пошли на ланч. На сей раз храбро решили отведать тортильи с курицей под каким-то особым соусом и авокадо на десерт. Оказалось вкусно, правда, соус был чересчур острым. Мексиканское блюдо как никак. Запивали минералкой.

Рядом за столиком в одиночестве сидел симпатичный парень лет примерно двадцати пяти, загорелый, но, похоже, не мексиканец, хоть и в сомбреро. Он с аппетитом поглощал свой ланч, запивал вином и поглядывал на Катю. «Почему он на меня так смотрит? Что ему надо? Мы знакомы? Не припоминаю... Впрочем, а почему бы ему на меня не пялиться? Я молода и говорят, хороша собой», — подумала Катя, немного покрасовалась, улыбнулась — то ли парню, то ли себе — внутренней улыбкой, потом спохватилась, резко отвернулась от навязчивого взгляда незнакомца и просто поставила свой стул спиной к его столику. От этого парня исходил сильный магнетизм, и она еще долго не могла забыть его пристальный взгляд.

— Что случилось, почему ты пересела? — как бы между прочим спросил Володя.

— А... я не люблю, когда солнце в глаза. Да и отсюда вид на залив лучше, — объяснила Катя, утаив истинную причину своего перемещения.

После ланча разморенные пляжем и отяжелевшие от еды, супруги решили вздремнуть. И снова улеглись спать отдельно. Катя в спальне, Володя в гостиной на диване. «Так оно и будет весь наш отпуск. Алкоголь и раздельное ложе. А любовь? Любовь осталась в Нью-Йорке. Но это все же лучше, чем ссоры», — решила про себя Катя.

— Что будем делать вечером? — спросила Катя мужа, пробудившись от полуденного сна.

— А давай возьмем такси и поедem в город посмотреть на ныряльщиков со скалы в ущелье. В проспекте для туристов написано, что это захватывающее зрелище. Ну и проедемся по вечерне-ночному Акапулько, может, зайдem в какой-нибудь ресторанчик, — предложил Володя, — все лучше, чем плавать в темноте или смотреть по телику дурацкие мексиканские сериалы.

— Давай! — охотно согласилась Катя.

* * *

Они переоделись. Володя сменил шорты на летние брюки. Катя надела длинную цветастую юбку, которую купила у мексиканской торговки на пляже, кружевную белую блузку, украсила наряд ниткой искусственного жемчуга и в преддверии вечерней прохлады накинула на плечи пончо. Они вызвали такси и поехали осматривать достопримечательности вечерне-ночного Акапулько.

Остановились у знаменитого местного аттракциона La Quebrada, в котором храбрые, натренированные ныряльщики-летуны прыгают с отвесной скалы высотой 45 метров в довольно узкое ущелье, потом карабкаются вверх. И все это без страховки! Зрелище не для слабонервных. Полет этот можно было наблюдать на расстоянии, из близлежащего ресторана или вблизи самой скалы, заплатив за «шоу» по сорок песо с человека. Катя и Володя, разумеется, купили билеты и смотрели «полеты» в ущелье вблизи скалы. Дух захватывало! Ошибись «летун» хоть на полметра, разобьется о скалу и погибнет. «Сорок песо — вот цена человеческой жизни. Недорого, совсем недорого!», — сказала Катя. «Каждый зарабатывает на жизнь, как может», — ответил Володя и пожал плечами.

Аттракцион был ярко освещен несколькими фонарями. В одном из «летунов» Катя узнала того парня, который сидел за соседним столиком в ресторане их отеля и пристально смотрел на нее. «Так он же не мексиканец, по крайней мере, с виду. Может, полукровка? Может, студент, который таким рискованным способом зарабатывает себе на жизнь?.. Впрочем, какое это имеет значение? Парень спортивный, мужественный и, надо сказать, красивый. Ой, что это я? Какое мне дело до этого смазливового циркача? У меня есть муж, и я его люблю», — добавила мысленно Катя, как бы заверяя саму себя в любви к мужу.

— Ну что, Катюш? Нравится тебе такой экстрим? Нервы щекочет, правда? А какие смелые парни-ныряльщики! — воскликнул Володя.

— Правда, — тихо сказала Катя и покраснела. Она воздержалась от дальнейших комментариев по поводу храбрости ныряльщиков. Подумала: «Володька читает мои мысли... Это чревато сценой ревности. Надо уходить отсюда».

— La Quebrada — слишком рискованный аттракцион. Мои нервы не выдерживают такого напряжения. Давай-ка лучше зайдем в ресторан. У нас же в стоимость билетов включен ужин. Надеюсь, здесь предлагают более разнообразное меню, чем в нашем ресторанчике при отеле, — сказала Катя мужу.

Володя согласился пойти поужинать. За соседним столиком сидела группа ныряльщиков. Видимо, они отработали свою смену и отдыхали. «Смазливый циркач», как его мысленно назвала Катя, был среди них. «Господи! Прямо какое-то наваждение! Куда бы я ни пошла, везде он. Что бы это значило?» — пронеслось в голове. — «Еще подумает, что мы его преследуем, что я его преследую... Этого только не хватало».

А Володя ныряльщиков не заметил. Или сделал вид, что не заметил, и принялся изучать меню. Супруги заказали креветок в сметанном соусе и хотели было отведать рагу из корнеплода и листьев габи, но ныряльщик за соседним столиком услышал их заказ, подошел к Володе и посоветовал этого не делать.

— Добрый вечер! — сказал он и продолжил на хорошем английском с легким акцентом. Простите, что я лезу со своими бесплатными советами. Меня зовут Педро. Я живу вместе с вами в отеле-замке на горе. Может, вы меня помните? Мы как-то сидели за соседними столиками и ели ланч. Припоминаете? Хочу вас предупредить. Габи иногда вызывает аллергическую реакцию. На всякий случай, лучше закажите «морского черта». Это блюдо весьма деликатное и многим нравится. Поделите креветки и «морского черта» пополам. Пусть каждый из вас попробует. Гарантирую. Останетесь довольны.

— Спасибо, Педро! Вы не только храбрый ныряльщик, но и благородный молодой человек, — поблагодарил парня Володя. А Катя ничего не сказала, только посмотрела на Педро и глаза опустила. Ресницы ее дрожали. «Только бы Володечка не заметил, как я взволнована», — промелькнуло в голове.

Володя встал из-за стола, пожал Педро руку. Педро ответил на пожатие руки, кивнул головой, улыбнулся белозубой улыбкой, сверкнувшей на фоне его загорелого лица, затем откланялся и вернулся к своему столику.

Проголодавшиеся Володя и Катя с удовольствием умяли ужин (или поздний обед). «Морской черт» действительно оказался чертовски вкусным блюдом. Катя сидела вполборота к столику, за которым собрались Педро и компания. Педро украдкой бросал обжигающие взгляды на Катю. Володя ничего не замечал или делал вид, что ничего не замечает. Где-то в одиннадцать вечера супруги вызвали такси и поехали к себе в отель.

По дороге в отель Володя не удержался и все-таки бросил ремарку с подтекстом ревности:

— Катюш, как тебе наш мачо-ныряльщик? Он так откровенно на тебя пялился! Думаешь, я ничего не заметил? Ты ему явно понравилась. А он тебе? Такой храбрый, красивый, к тому же культурный, вежливый парень не может оставить сердце девушки равнодушным! А... Катюш?! Признавайся. Ведь понравился?

— Да, понравился, но не в том смысле, который ты вкладываешь в это понятие. Такой отважный, симпатичный и культурный парень не может не понравиться. Тебе же он тоже понравился... чисто по-человечески, я имею в виду.

— Не увличай, пожалуйста! Педро тебя очаровал, моя дорогая женушка. Ты влюбилась в этого мексиканского ныряльщика. Отпираться бесполезно.

— Дурак ты, боцман! И шутки у тебя дурацкие. Я бы, может, и хотела влюбиться в какого-то другого мужчину, но, увы, вот уже пять лет, как люблю тебя, моего дорогого,

упрямого пьяницу. И ничего не могу с этой любовью поделаться! Вот такая я глупая преданная жена...

— И я тебя люблю, Катенька моя родная! Прости мне, пожалуйста, эту... необоснованную ревность!

— Уже простила. Ничего другого не остается, — сказала Катя и чмокнула мужа в щеку.

* * *

На следующий день они с утра пошли на пляж, а после ланча решили покататься на прогулочном кораблике вдоль залива: поглазеть на береговые красоты. Погода была замечательная, волнения в заливе не было. Небольшой кораблик мягко скользил по бирюзовой воде. Катя сфотографировалась с местным актером, изображавшим пирата. Володя участвовать в шоу отказался. «Дайте мне платок и пистолет, завяжите один глаз, и я сам могу изобразить пирата. Ты, Катюша, развлекайся, а я — pass!» — решительно сказал он.

— Какой ты скучный, Володечка! Тебе бы только выпить, а без алкогольного стимула тебе театрализованные представления... и, вообще, любые аттракционы, не в кайф, — резюмировала Катя.

— Да, я такой! Употребляю «огненную воду», как называли разбавленный спирт американские индейцы, герои Джека Лондона, Майн Рида и Вальтера Скотта. Но ведь ты меня все равно любишь. Правда, солнышко? Что называется, любовь не за что-то, а вопреки.

— Да, люблю. И моя любовь преданная и терпеливая, — с грустинкой в голосе ответила Катя.

Корабельная прогулка по заливу и шоу продолжались два часа. В итоге Катя и Володя, утомленные, вернувшись отел, не пообедав, разошлись по комнатам и завалились спать.

* * *

Катя проснулась в семь вечера, зажгла настольную лампу, поднялась с кровати, выпила воды и пошла будить мужа. Как она и предположила, Володя мирно почивал, предварительно опорожнив треть бутылки коньяка и умяв пару бутербродов с сыром, о чем свидетельствовали пустой стакан, хлебные крошки и засохший кусочек сыра на тарелке. «Будить Володьку не имеет смысла. Теперь проспит до утра. А мне что делать? Сторожить его сон? Нет! Я — любящая и преданная жена, но отнюдь не сторожевая собака! Неплохо бы поужинать. Я что-то проголодалась. Бутерброд с сыром был утром. Хочется чего-то новенького. А не спуститься ли мне в наш ресторанчик?» — подумала Катя. Автоматически достала из шкафа любимое летнее платье, причесалась, подкрасила глаза и губы, прихватила сумочку с кредиткой. Оглядев себя в зеркале, Катя осталась собой довольна и пошла в ресторан.

В ресторане народу было мало. Видно, многие гости уже отобедали, а некоторые уехали в город «не только за хлебом, но и за зрелищами». Катя выбрала столик снаружи, на свежем воздухе. Со стороны залива дул приятный освежающий ветерок. Она заказала любимые креветки в сметанном соусе и бокал вина. Сидела в ожидании заказа, любовалась заливом и низким черным небом, освещенным блесками звезд. Пыталась узнать созвездия, но звезд было так много, буквально россыпи, что различить отдельные созвездия оказалось непосильной задачей.

Неожиданно, как *deus ex machina*, появился Педро:

— Good evening, Ms. Katrina! (Добрый вечер, Мс. Катрина!) — произнес Педро по-английски. Узнаете меня?

— Да, конечно, узнала. Вы Педро, один из бесстрашных ныряльщиков в ущелье. Я вами восхищаюсь! А что, сегодня у вас выходной? — поинтересовалась Катя.

— Нет! Просто я уже свое почти отнырял. Завтра последнее шоу с моим участием. Это моя временная работа на каникулах. Я студент. Каникулы заканчиваются. Надо возвращаться в университет в Мехико. А Вы сегодня одна, без мужа? Что так?

— Да, временно одна. Вот вышла в ресторан поужинать. Мы сегодня плавали на корабле, там, где показывают шоу с так называемыми пиратами. Муж... слегка перегрелся на солнце, сейчас спит.

— Значит, перегрелся на солнце? Понятно... Да, наше мексиканское солнце действует обжигающе даже в феврале... А можно я присяду за ваш столик? Не помешаю? — осторожно спросил Педро.

— Конечно, присоединяйтесь. Мне веселее будет, — согласилась Катя. Хорошо, что сквозь сумеречный свет фонарей не видно было, как она покраснела. Катя не могла понять, что с ней происходило. Ее волновал этот красивый и бесстрашный юноша. При мысли о Педро Катини сердце начинало учащенно биться. Ей было приятно и в то же время стыдно за то, что она, замужняя женщина, увлеклась этим «экзотическим» юношей и не может совладать со своими эмоциями.

Педро присел на стул напротив Кати, взял в руки меню и сделал вид, что это меню изучает. На самом деле, молодой человек знал весь предлагаемый рестораном ассортимент блюд наизусть. Просто чтение меню давало ему возможность хоть на какое-то короткое время соблюсти приличия и отвлечься от пристальных взглядов на Катю. Педро понимал, что его увлечение этой молодой, красивой, но, увы, замужней женщиной, к тому же, из другого мира, не имеет никакого будущего, но он ничего не мог с собой поделать.

— Что вы будете заказывать? Все, как обычно? — раздался голос официанта над головой юноши.

— Да, все, как всегда. Только вместо текилы бокал Мерло, пожалуйста!

— Так вы учитесь в университете и на каникулах подрабатываете ныряльщиком в ущелье? — спросила Катя. — Надо было что-то говорить. Молчание и игра взглядами усиливали эмоции, накал которых пугал девушку.

— Да, подрабатываю ныряльщиком, хотя делаю это больше для экстрима, чем для заработка. Родители финансируют мое обучение. Я учусь в университете на юридическом факультете. Мне остался последний курс, дипломная работа, выпускные экзамены и практика. А вы... работаете или ведете домашнее хозяйство? Впрочем, с вашими внешними данными... вы, наверное, снимаетесь в кино или работаете в модельном агентстве?

— А вот и не угадали. Я аспирантка на кафедре психологии в Колумбийском Университете. Пишу диссертацию на тему «Влияние феномена любви на духовное и физическое здоровье человека на примерах художественной литературы 19 века».

— Какая интересная тема! Можете рассказать в двух словах, как эта самая любовь влияет на физическое и духовное здоровье человека? — полюбопытствовал Педро и улыбнулся.

— В двух словах всего не расскажешь. Впрочем, если вы были влюблены, вы и сами все знаете.

— Да, был... влюблен. И сейчас пребываю в этом состоянии. Мало сплю, мало ем, мечтаю о несбыточном, делаю и говорю глупости, не могу сосредоточиться... Вот такое влияние оказывает на меня феномен любви. Я — полукровка. Во мне гремучая смесь. Отец — белый, потомок конкистадоров, мать мексиканка из потомков племени майя.

— Понимаю и уважаю ваше происхождение и горячую кровь. Но при такой опасной работе ныряльщика в тесном ущелье вы не можете себе позволить мало спать, мало есть и делать глупости. И вы... вы должны перед прыжком сосредоточиться. На кону ваша

жизнь! Услышите меня, пожалуйста! — с волнением выпалила Катя, взглянула в глаза Педро и машинально дотронулась до его пальцев, которыми он листал меню.

— Спасибо вам, Катрина! Вы не только красавица, но и еще очень добрая женщина. Я все время о вас думаю. Вот влюбился... на свою голову. Понимаю, что между нами ничего не может быть, но, как говорится, мечтать не запретишь. Приезжайте завтра к ущелью. Это будет мое последнее в нынешнем сезоне выступление. Я посвящаю свой прыжок вам, сеньора Катрина! Приедете?

— Обещать не могу, так как это не только от меня зависит. Надо уговорить мужа. А приехать одной как-то боязно. Словом, если получится, мы приедем. А сейчас уже поздно. Мне пора. До свидания, Педро! И не забудьте, что я вам сказала!

— Постараюсь не забыть. До завтра, Катрина! — Педро сжал ее руку и поцеловал тыльную сторону ладони легким, почти воздушным поцелуем. Катя не отдернула руку и даже, удивившись своей смелости, задержала ладонь у губ Педро. Потом она торопливо расплатилась по счету и пошла к себе в номер, не оглядываясь. А юноша долго смотрел ей в след, как она поднималась по окружной дороге в отель.

* * *

В номере ее встретил встревоженный отсутствием жены Володя.

— Катюша, где ты была? Я проснулся — тебя нет. Это, знаешь ли, даже не Бруклин, это Мексика! Здесь всяко может случиться. Особенно с молодой и красивой женщиной. Я уже решил, что тебя похитили, и хотел звонить в администрацию отеля.

— Как видишь, я вернулась живой и невредимой. Ты принял очередную дозу спиртного и уснул. Спал беспробудно, я и будить не стала. А мне захотелось нормально поужинать, вот я и спустилась в наш ресторан. Если ты так обо мне беспокоишься, пить надо меньше и просто быть со мной, — с горечью резюмировала Катя.

— Ты абсолютно права, любимая. Мне нечего возразить. Клянусь, я постепенно завязываю с алкоголем, — торжественно произнес Володя и обнял жену.

А Катя подумала: «Сколько раз я уже слышала нечто подобное! Но сегодня Володька действительно испугался. Это видно по его встревоженному взгляду. Поздно вечером в мексиканском отеле... Может, я сидела на балконе, и меня оттуда похитили?..»

В эту ночь Володя расстался с привычным диваном и пришел в спальню к жене. Возможность потерять ее перетряхнула его сознание. Страх за Катину жизнь сделал то, что не смогли сделать ни просьбы, ни уговоры жены, ни психолог, ни Общество Анонимных Алкоголиков. «Я бросаю пить! Я бросаю пить!» — повторял про себя Володя, как заклинание. Эта ночь в Акапулько прошла для супругов, как одна из первых любовных ночей. «Как хорошо! Даже не верится. Но надолго ли?» — подумала Катя, уткнулась в Володино плечо и вздохнула.

После любовных объятий Володя быстро заснул, а Катя долго лежала без сна. Под утро она все же задремала, и ей во сне привиделся Педро. Педро стоял над ущельем, готовясь к прыжку, звал Катю и предупреждал ее: «Не верь мужу, Катрина! Он обманет. Верь мне. Я люблю тебя!»

* * *

На следующий день супруги встали поздно, снова позавтракали бутербродами с сыром и пошли на пляж. Памятуя вчерашнее, Володя не только не выпускал Катю из поля зрения, но старался быть рядом. Плавал вместе с ней, на пляже держал ее за руку, целовал в плечи

и губы, говорил ласковые слова, купил у мексиканской уличной торговки для жены набор коралловых украшений — бусы, браслет и серебряное кольцо.

Наступил вечер. Сидеть в номере и смотреть телевизор было скучно. Катя, памятуя о своем обещании Педро, уговаривала Володю снова поехать в город к ущелью. Володе очень хотелось выпить, но он держался и согласился на Катино предложение. Они долго собирались, копались в одежде, выбирая чистое белье. Одеванное раньше пора было уже постирать. Долго заказывали такси... В итоге супруги приехали к ущелью в девятом часу вечера. Быстро купили билеты на шоу. Володя держал Катю за руку.

— Что с тобой? Ты вся дрожишь. Может, тебе не стоит смотреть этот экстрим? Давай просто посидим в ресторанчике. Клянусь, я не буду заказывать алкогольные напитки.

— Нет, я хочу посмотреть еще раз, как эти храбрые парни прыгают в ущелье. И я хочу, чтобы ты их сфотографировал.

— Ладно. Как хочешь, — сказал Володя и хотел из кармана достать мобильный телефон, но телефона там почему-то не оказалось.

— Черт! Где мой телефон? Наверное, выпал из кармана, когда мы ехали в такси. Стой здесь, Катюша! Никуда не уходи! Я подойду к таксисту, пока он не уехал, спрошу у него.

— Хорошо! — ответила Катя.

Она стояла почти на самом краю ущелья и искала глазами Педро. Почему-то его не было.

— Можно вас на минуту, синьорина? — раздался рядом голос одного из ныряльщиков.

— Да, а что вы хотите? — с тревогой спросила Катя.

— Я должен вам что-то передать от Педро. Очень важное, — уточнил парень. — Педро вас долго ждал и решил, что вы не приедете. Он опаздывал на автобус на Мехико. Педро сказал, что полюбил вас и никогда не забудет. Желает вам счастья. И еще... оставил для вас вот это... Парень протянул Кате бархатную коробочку и исчез.

Катя открыла коробочку. Там было ожерелье и серьги из настоящего розового жемчуга.

«Ну почему, почему мы опоздали? Прямо рок какой-то! И почему он не дождался меня? Мог бы поехать в Мехико другим автобусом», — подумала Катя с грустью и быстро спрятала коробочку в сумку.

— Ну, слава Б-гу! Телефон мой нашелся. Таксист оказался честным парнем. Да... Я заметил, что к тебе подходил какой-то мужчина. Что он от тебя хотел? — обеспокоенно спросил Володя.

— Да так, ничего особенного. Просто передал привет от ныряльщика Педро. Помнишь того, который подошел к нам в ресторане и посоветовал заказать блюдо «морской черт»?

— Помню. Еще бы! Он тебе, мягко говоря, понравился. Передал привет и больше ничего? Слабо верится.

— Твое дело верить или нет. Я спорить не буду. Пойдем-ка лучше в ресторан поужинаем. Я хочу еще раз отведать этого «морского черта».

— Пойдем, — быстро согласился Володя.

В ресторане они снова заняли столик у окна, откуда открывался вид на ущелье. Заказали два «морских черта» и две минералки.

— Катюша, Катенька! Ну можно я закажу рюмку текилы? В последний раз! Обещаю! Ну пожалуйста!

— Можно, — ответила понуро Катя и подумала с грустью: «Все как всегда... Я уже никогда не увижу Педро. Да, и как мне объяснить мужу приобретение дорогого жемчужного ожерелья и серег? Если скажу, что это подарок от Педро, Володька подумает, что у меня с Педро что-то было. А впрочем, пусть думает, что хочет. Какое это теперь имеет значение?!»

Прозаик, поэт. Родилась в Москве. Выпускница филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (отделение русского языка и литературы). Публиковать стихи начала с 1975 года в журналах «Новый мир», «Юность», «Студенческий меридиан» и др., в альманахах «День Поэзии», «Истоки», «Муза» и в разных коллективных сборниках. Автор 5 книг. Член Союза писателей России. В настоящее время первый заместитель главного редактора альманаха «Истоки». Член Союза писателей XXI века с 2022 года. Живет в Москве.

МИНИАТЮРЫ

ЗАПАХ СИРЕНИ

Яркие фрагменты детства, как елочные гирлянды, время от времени озаряют память. Даже, когда от будущего уже не ждешь ничего хорошего, они способны согреть и вернуть душевный покой.

В ответ на мое детское нытье, что дома нет ничего вкусенького, мама растирает в стакане желтки с песком. Стирает долго до бела, потом капает красную каплю кагора. Гоголь-моголь готов. Белки пойдут на бизе. Никакие специальные венчики тогда не продавались, и мама терпеливо сбивала вилкой. В каникулы на елку ко мне впервые приглашены 2 моих подруги и мальчик. Несмотря на тесноту, у нас всего одна комната, мама решила устроить настоящий прием. Елку всегда достает и устанавливает папа. Совсем давно ее привозил из леса (тогда это не возбранялось законом) знакомый родителей — водитель грузовика, а по совместительству — сапожник, столяр и плотник

Папа входит в коридор с елкой, обмотанной веревкой, прижимая ее к заснеженному пальто. Снимает шапку-ушанку, долго хлопает руками, чтобы согреться, и протирает запотевшие очки. Это не просто установить ее в ведре, чтобы она не завалилась, и развесить гирлянду лампочек. Ни искусственных елок, ни цветов в нашем доме не признавали.

Бережно доставалась из коробки и вешалась на верх пышная звездочка-талисман из медной проволоки. Это была новогодняя игрушка военного времени, украсившая елку молодоженов (моих будущих родителей) в эвакуации. В конце января папа ушел на фронт.

Желая меня порадовать, родители каждый год подкупали несколько ярких шаров или сияющих фигурок. На глазах менялись форма, размер и тематика игрушек. Ушли в прошлое картонные лебеди и стрекозы. По дизайну игрушек хороший искусствовед сможет легко определить год серийного производства. В начале февраля был ритуал прощания

с елкой, последний раз зажигали цветную гирлянду, снимали игрушки с пожелтевших веток и убрали на антресоли. На коробках с игрушками долго сохранялась запись четким почерком бабушки — верх — чтобы невзначай их не раздавить. Кто бы тогда мог подумать, что несколько десятилетий спустя старые елочные игрушки будут красоваться в витринах антикварных магазинов и продаваться на аукционах?

Мама достает яркие цветные нитки, и мы с ней обматываем яблоки, мандарины, конфеты, чтобы подвесить на елку в качестве призов.

На горячее с ночи готовится фирменная буженина из свиного окорока, напигованная чесноком.

Большое блюдо выпеченных домашних пирожных накрыто крахмальной салфеткой. Утром мама будет надрезать каждое по диаметру и наполнять нежным заварным кремом. Последний штрих — посыпать сахарной пудрой.

Но о главном сюрпризе я не знаю. Усадив гостей за стол, мама с папой подходят к пианино и исполняют Турецкий марш Моцарта в 4 руки. Мама взмахивает длинным прозрачным шарфом, накинутым на плечи, и мы чувствуем волшебный запах белой сирени среди зимы — папин подарок к Новому году.

КРЫМ

О Крыме я слышала с самого раннего детства. Родителям там не довелось побывать, но в книгах, которые мне часто читали вслух, он часто упоминался. Ну тот же «Белый пудель» Куприна. Потом крымскими тропами высоко над морем вел меня К. Паустовский по страницам своих воспоминаний. Казалось, я чувствовала запах сухих трав и каменную осыпь под ногами. Там же в Крыму находилась могила А. Грина, бедствовавшего всю жизнь, умершего в нищете и признанного только спустя годы после смерти. Крымом были вдохновлены его сказочная феерия «Алые паруса», Лисс, Зурбаган... и все города, где жили его герои...

Крым все детство и отрочество казался мне землей обетованной. А когда позже я услышала о сердолике, найденным С. Эфроном в коктебельской бухте и преподнесенным М. Цветаевой, я окончательно загорелась Крымом и дала себе слово там побывать.

Случай побывать в Крыму неожиданно представился. Меня пригласила в поездку мать моей подруги детства. Крым она знала, как пять своих пальцев, ездила туда каждый август с семьей.

На троих нам досталось купэ, Виолета Юрьевна внизу, мы — Лёля 18 лет и я 20-ти наверху, больше никого не подселили. Покупаем на полустанках горячую картошку с укропом, ягоды и после Курска с Белгородом огромные тугие помидоры «Бычье сердце». Виолета Юрьевна строго предупреждает не оставлять кошельки под подушкой, окно приоткрыто и вытянуть кошелек через щель квалифицированному жулику не представляет труда. Мне по молодости лет в это не верится, но я не хочу перечить. Она сделала доброе дело: взяла меня в Крым. Одну меня родители ни за что не отпустили бы... Поколение, пережившее послевоенную разруху, на себе испытало воровской беспредел. Это теперь карманник — явление почти экзотическое.

Из Симферополя, нагруженные вещами, садимся в автобус. Маршрут лежит через Планерное (Коктебель) на конечную остановку Лисью бухту, кажется, теперь это называется Курортное. Нестерпимо жарко. Слева и справа из окна тянутся склоны, поросшие виноградом. Родители Лёли прозвали домик у моря, где они частенько

останавливались, Сычёвкой, не столько по фамилии хозяина, как по его угрюмому неразговорчивому нраву.

По прошествии многих лет (десятилетий), я все отчетливей вижу эпизоды моего первого пребывания в Крыму. Узнаю, что там снимались знаменитые кадры из «Человека-амфибии» с А. Вертинской. Не счастье в полном смысле этого слова, а важные составляющие счастья — легкость и беспечность бытия — дарил мне Крым.

Утром ходим на море в Лисью бухту, маленькую, уединенную, как бы отгороженную большими камнями. Там никого нет, можно искупаться нагишом. Несколько раз поднимались в горы, поросшие кустарником. Мать Лёли обращает мое внимание на низкие кривые деревца по краям обрыва. Это Иудино дерево, по легенде, на нем повесился Иуда в момент острого раскаянья... По весне ветки дерева бывают сплошь покрыты ярко-розовыми цветами. Спустя несколько лет уже в Мисхоре я застала в апреле Иудино дерево в цвету, она зацветает раньше других, и само собой написалось: «Запомню все: и ветреный апрель, и серый день, и каменные груды и занесу на память в акварель изогнутое деревце Иуды. Его цветенья дух не истребим. На ощупь корни чувствуют опору, и кажется, что это пилигрим над пропастью карабкается в гору.

В. Ю. всегда приносит с прогулок большие букеты из пахучих степных трав и живописных причудливых веток.

Это называется икебаной. Засохшие ветки она повезет в Москву украсить уютную арбатскую квартиру.

Ездили мы тогда и в знаменитый Ливадийский дворец, где по дорожкам гуляли павлины, спускались царской тропой, купались на каменистом пляже у Золотых ворот, осматривали грот Шаляпина.

Незадолго до отъезда мы с Лёлей загорелись желанием прокатиться на пароходе. В. Ю. купила билеты. На борту маленькой яхты размашистыми буквами было написано Нарцисс, и точно высокая стройная с белым парусом она всем своим обликом напоминала грациозный цветок на хрупком стебле. Стоял жаркий августовский день, яхта была полупустой, мы вышли в открытое море, и вдруг наше суденышко стало качать из стороны в сторону. Сначала слегка, потом все сильнее и сильнее. Волны заливали палубу, судно накренивалось, почти плашмя ложилось на воду. Ветер усиливался, и качка становилась непрерывной. Мы с Лёлей, вымокшие до нитки, выбегали на палубу, ожидая, когда окатит с головы до ног новой волной. Качка нас только веселила, казалось, мы опьянели от ветра, простора и соленого воздуха... А вот бедной В. Ю. стало совсем плохо, она страдала от морской болезни, с мертвенно бледным лицом сидела в трюме, не чая дожидаться твердой почвы под ногами.

Назад из Крыма я уезжала одна, в плацкарте, нагруженная виноградом и персиками, желая поделиться с родными хоть каплей южных даров.

Писатель, филолог, культуролог. Родился в 1956 году в Москве. Окончил факультет русского языка и литературы МОПИ им. Н. К. Крупской. После окончания института работал в Музее книги Российской государственной библиотеки, где с 1987–1990 годов возглавлял научно-исследовательскую группу русских старопечатных изданий. В 1985 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Становление сонета в русской поэзии XVIII века (1715–1770)». С 1990 года живет в Лос-Анджелесе. Член Русского ПЕН-центра, Союза писателей Москвы и Союза писателей XXI века. Член редколлегии журнала «Новый берег». Лауреат Горьковской литературной премии 2009 года в номинации «Историческая публицистика». Почетный дипломант Всеамериканского культурного фонда имени Булата Окуджавы. Тексты Л. Бердникова переведены на украинский и английский языки.

ИЗОБЛИЧИТЬ ВЕРТОПРАХА

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Большой масленичный маскарад в конце января — в первых числах февраля 1763 года, получивший название «Торжествующая Минерва», вызвал пристальное и жадное внимание. Бесконечная вереница карет, повозок, колымаг, рыдванов растянулась по всему центру первопрестольной — от Аннинского дворца через Немецкую слободу до Белого города, а затем по Старой Басманной, через Ехалов и Салтыков мосты. И трактовалось сие как «торжество, подобное грекам», достойное разве только что короновавшейся монархини Екатерины Великой. Устроители праздника (а песни и хоры к нему сочинил, кстати, Александр Сумароков (1717–1777), чья фамилия неизменно рифмовалась в XVIII веке со словосочетанием «бич пороков») замыслили его не только забавы ради, но и нравоучения для, объявляя тем самым «гнусность пороков и славу добродетели».

Зачиналось это шумное действо сатирическим показом дурных человеческих свойств. Переодетые актеры олицетворяли собой пьянство, лень, мздоимство, мотовство, спесь, невежество. Следовавшие за ними маски представляли высокие нравственные свойства: кротость, любовь, щедрость, разум, просвещение. Заключительная же часть шествия именовалась «Златым веком», в ней участвовали античные боги: Зевс, Астрея, Аполлон и, наконец, Минерва, как раз символизировавшая Екатерину, а над ней при помощи «маскарадных машин» парили Виктория и Слава.

Карнавальное шествие, в коем были задействованы до четырех тысяч человек, сопровождалось шумом роговой музыки, громом литавр, трещеток, труб и барабанов и впрямь являло собой нечто небывалое и замечательное. Вообразим себе Парнас, а рядом самого Феба с музами, взгромоздившихся на высоченной колеснице; следом за ними Марса с доспехами; далее — Афины Палладу с покрытым шлемом челом, вооруженную копьем, а у ее ног примостившуюся сову с математическими инструмен-

тами; за ними вечно пьяного веселого Бахуса с сидящим перед ним Силеном, в обществе легкомысленных вакханок и лихо пляшущих сатиров и фавнов. Вослед античным божкам колесили повозки с беснующимися пьяницами, взяточниками-подьячими, мотами, картежниками и т.д. А одна из карет, управляемая обезьяной, именовалась «колесницей развратной Венеры». На ней сидели несколько вертопрахов-петиметров, одетых в кричаще модные костюмы. Сами аллегорические фигуры, олицетворявшие щегольство на празднестве (развратная Венера и Обезьяна), знаменовали собой характерные приметы этого, как говорили тогда, «гнусного» порока — безудержное волокитство и чужебесие. Характерно, что именно к петиметрам были обращены такие пояснительные слова:

Кто век свой волочась, превзойдет страсти меру,
Увидит, наконец, развратную Венеру.

Изумленный современник свидетельствовал: «Десятки тысяч людей смотрели на [маскарад] из окон, с балконов, заборов, кровель; сдвигавшийся за ним народ, препровождал его до предела шествия зимних гор, иллюминированных разноцветными фонарями, где иные из празднующих в тысячах толпы встречали его с восхищением. Пения, пляски, скачки, громогласные воззвания: Ура! Виват, Екатерина! не умолкали, и таково было сие торжество».

В числе наблюдателей (а, может быть, и исполнителей) сего карнавала был и отставной гвардии поручик и стихотворец Алексей Андреевич Ржевский (1737–1804). Он также был задействован в торжественном шествии и коронации Екатерины в Москве и даже принимал участие в их подготовке (сочинял «на триумфальные ворота картины эмблемы и надписи»).

Во всяком случае щеголи служили мишенью для его колкой сатиры и, что интересно, ассоциировались именно с франтовством, представленным на том карнавальном шествии.

Характерно, что полгодом ранее, в журнале Московского университета «Полезное увеселение» (июнь, 1762) Ржевский вознамерился «вознести хвалою того петиметра, которого сатирики осмеивают несправедливо». И дает характерный образчик вот такого, конечно же, ложного панегирика вертопраху: «А ты! любимец и первосвященник Венерин, Амур тебе послушен; Грации следуют тебе повсюду. Ты более славись победами, как Пирр и Геркулес. Ты превосходишь Гекторов и Ахиллесов: оружию тех противились противоборники их: тебе же твои в плен безоружному даются. Где между красавиц беседеши ты: не слышно иного, как только вопль покоряющихся тебе: победа, твоя победа... Пленить единое сердце труднее, чем множество городов и народов... Вот какую обществу приносишь ты пользу: не только ли это? Нет!.. Не меньше государство укрепляется богатым купечеством. И кто больше богатит российское купечество тебя?.. Никто не согласится, кроме тебя, втрое дороже платить портному и платить всякий день парикмахеру за то, что парикмахер всякой день его мучил нестерпимо, завивая волосы... Но всего больше, что ты удобен не только ипохондрика рассмешить, но и самого Харона, которого и Орфей сладкой своей лирой не мог развеселить, колико ты обществу полезен, говорю, тем, что можешь исцелить болезнь, непокоренную и самому Иппократу».

Обращает на себя внимание, что тема осмеяния щегольства проходит через все творчество Ржевского, пережившего заметную эволюцию от «простоты» (влияние его учителя поэзии Сумарокова) к «искусственности». Выявить злободневно-сатирическую тенденцию в его текстах представляется тем более важным, что этот стихотворец XVIII века подчас

воспринимается исключительно как насадитель поэтического трюка, занятый «фокусничеством» (Павел Берков).

Вопрос о петиметрах был тогда очень злободневным. В своей программной «Эпистоле о стихотворстве» (1747) Сумароков, намечая пути развития молодой русской поэзии, поставил перед словесниками XVIII века такую задачу:

Представь мне щеголя, кто тем вздымает нос,
Что целый мыслит век о красоте волос.
Который родился, как мнит он, для амуру,
Чтоб где-нибудь к себе склонить такую ж дуру.

И сам Сумароков был отчаянным противником щегольства. «Презрение петиметрства» он почитал неременной обязанностью «великого человека» и «великого господина». И именно в пьесах Сумарокова франт впервые обретает голос в русской литературе. Мы имеем в виду реплики петиметра Дюлижа, выведенного в комедии писателя «Чудовищи» (1750). «Волосы подбивает он хорошо, по-французски немного знает, танцует, одевается по-щегольски, знает много французских песен; да полно еще, не был ли он в Париже?..» — говорят о нем персонажи пьесы. Главная черта, которою автор наделяет своего незадачливого героя — это воинствующая галломания. «Я бы Русскова языка знать не хотел. Скаредной язык!.. Для чего я родился Русским! О, натура! Не стыдно ль тебе, что ты, воспроизведя меня прямым человеком, произвела меня от Русскова отца!» — восклицает Дюлиж и напевает легкомысленную французскую песенку, причем песенка эта, по его словам, «всега Русскова языка стоит». Но более всего смехотворна его неукротимая вера в то, что одними своими куртуазными манерами он приносит России неоценимую пользу: «Научиться етому, как одеться, как надеть шляпу, как табакерку открыть, как табак нюхать — стоит целова веку, а я етому формально учился, чтоб я тем Отечеству своему мог делать услуги» (похоже, что эту «идейку» сумароковского Дюлижа использует Ржевский в своей сатирической апологии петиметру).

В другой комедии — «Нарцисс» (1750) Сумароков представил образчик сатирической оды, написанной якобы в похвалу самовлюбленному бонвивану, первый подобный опыт такого рода. Приводим текст:

«Нарцисс: ...А ода эта сочинена не от моего лица: да будто кто другой мне эту похвалу сопле. Послушайте:

Твоих умильных блеск очей
Во изумление всех приводит:
Сиянье солнечных лучей
Во оных образ твой находит;
И в виде смертной красоты,
Изображенны зря черты,
Аврора, воздыхая, рдится;
Адонис пред тобой Сатир;
Оставлен Флорою Зефир,
И мать Эротова стыдится.
Тирса: Эта похвала меры превзошла.
Пасквин: Только в меры вошла.
Нарцисс: А мне кажется, что еще не дошла...».

И далее Нарцисс разглагольствует о необходимости издать таковую оду в свет, одна только заковыка: «Мне хотелось при этой Оде в заглавии положить свой портрет, да ни написать, ни вырезать никто не в состоянии. Мне думается, что меня и редкое зеркало точно изображает. Едакова человека произвела природа!».

Что же заставило комедиографа писать от лица презируемого им петиметра? Думается, что для Сумарокова и передовых литераторов века Просвещения щегольство было не только вредным социальным явлением, но и выражением чуждой им культуры. Они возжелали вести полемику с «гадкими петиметрами» (как назвал их журнал «Трудолюбивая пчела», 1759). Но вот незадача: русские петиметры заявляли о себе кричаще модными, баснословно дорогими нарядами и, осваивая галантный язык тафтяных мушек и опahal, вовсе не были озабочены написанием текстов, излагающих их культурную позицию. И тогда в целях развенчания и осмеяния щеголей русские словесники сами заговорили от их имени. То была мистификация, своеобразная литературная игра — попытка создания пародийной словесности и книжности, составляющей якобы круг интересов вертопрахов, апофеоз их духовного убожества и дурной нравственности. Показательно, что литератор Иван Елагин (1725–1794) упоминает некоторые произведения, которые вертопрах «счерна... переписывает сам» в угоду красавицам.

Характерно, что в начале 1750-х годов получила широкий резонанс литературно-общественная полемика о петиметрах. Весь сыр-бор загорелся из-за «Сатиры на петиметра и кокеток» Ивана Елагина, подвергшей бичеванию невежество, слепое поклонение моде, галломанию и мотовство российских петиметров. В ходе дебатов в этой словесной битве (а в ней сошлись поэты круга Сумарокова и их противники — Михаил Ломоносов (1711–1765), Иван Шувалов (1727–1797), Иван Барков (1732–1768) и др.) — были предложены две диаметрально противоположные оценки щегольства. Одни видели в нем опасный общественный порок и рассматривали петиметра как «непримиримого неприятеля добродетели, имевшего с нею явную и всегдашнюю ссору»; другие же, напротив, никак не соглашались с хулой вертопрашества и оценивали его как «безвинную» страсть (1).

Но вернемся к Алексею Ржевскому. До нас дошел составленный им конволют (2), как раз содержащий отголоски той литературной войны. И хотя, по мнению исследователей, эта рукописная книга была сброшюрована владельцем не ранее 1765 года, вполне вероятно, что вошедшие сюда листы с сатирическими текстами немного ее опережали. В этом сборнике находятся два стихотворных послания, которые рассматривались современниками именно как щегольские. Первое из них, названное «Письмо Бекетову», принадлежит перу преподавателя Артиллерийского и Инженерного кадетского корпуса, автора «стихотворений разного рода, а особливо песен» Николая Муравьева (1724–1770). Филиппики ученым педантам и отрицание мало-мальской пользы наук завершались ободрением и одобрением дерзких, добивающихся успеха в любви:

Венерин сын и слеп, и мальчик молодой,
Он хочет, чтоб ему безумием и игрой
На свете угождали. Он тихих проклинаят,
Сам дерзок, он иском и дерзким помогает...
Изрядное весьма есть правило влюбляться...

Адресата письма, Никиту Бекетова (1729–1794), по праву считали «эталоном истинного петиметра» (поговаривали, что именно его Сумароков вывел в уже знакомом нам образе Нарцисса из одноименной комедии). Кратковременный фаворит императрицы Елизаветы

Петровны, обладатель дорогих и экстравагантных нарядов, острослов и даровитый стихотворец-песенник, он, по словам Екатерины II, тогда быстро «входил в моду». Свой ответ Муравьеву он озаглавил: «Правила как любиться без печали. Письмо к приятелю». Настойчиво и прямолинейно, без всякого извития словес он поучает, как надобно покорять женские сердца и, как подобает вертопраху, говорит о бесплодности неразделенной чувственной любви:

Сукова кто к тебе, — престань о той вздыхать,
И злым мучением приятства обретать.

Какие же литературные жанры пользовались успехом у петиметров? Если верить периодике XVIII века, то это преимущественно произведения французские и, прежде всего, сонет, нередко рассматриваемый как жанр сугубо щегольской. Иван Елагин отметил, что «петиметр ничего не должен писать, кроме любовных писем, сонетов и песен». «Петиметрское упражнение состоит в том, чтобы... восхищаться любовными враками, которые в Париже продаются по копейке, то есть Идиллии, Стансы, Сонеты, Мадригалы и Билеты», — говорит журнал «И То и Сию» (1769). А тот же Ржевский констатировал: «Петиметры только и читают песни, сонеты, элегии, да и то французские».

И неслучайно, что Ржевский, самый плодовитый русский сонетист XVIII века, начал свою поэтическую деятельность именно с пародирования щегольства. В портфелях издателя журнала «Ежемесячные сочинения» Герарда Фридриха Миллера (РГАДА) находится стихотворная подборка двадцатилетнего Ржевского, посланная им издателю, но так и не увидевшая свет. В числе прочих материалов различных жанров здесь находятся два текста:

СОНЕТ I: К КРАСАВЦУ

Тебя натура в свет когда производила,
То образ красоты дала тебе сполна,
Я мню, что все в тебе таланты истощила,
Коль щедрою к тебе явилася она.
Ты в свет произошел красотками владети
И нежные сердца собою вспламенить,
Плоды красы своей любовью имети
И младости своей тем славу заслужить.
Чем можешь обладать, того не упускай,
Покуда есть краса, любовь в сердцах сжигай,
Но старость дряхлых лет лишит тебя ее.
Хоть будешь и тужить, раскаяньем стенать,
Что лучшей радости не льстился ты вызнать,
Бесплодно будет то раскаянье твое.

СОНЕТ II: К КРАСАВИЦЕ

Красавица, на толь ты в свет происходила
И красоту в тебя вложило естество,
Чтоб только для себя единой ты служила,
А должности прямой не знала существо.
Чтоб нежную любовь неправо презирала,
И в младости своей, забав в ней не вкуся,
Любовников своих чтоб гордостью терзала,
Смеясь им, себя суровством превзнося.
Ты той же гордостью, которой всех терзаешь,
Приятнейших забав сама себя лишаешь,
И смех блаженством чтешь, что главный твой порок.
Безумие одно смех в девушках рождает,
Смеется, но чему, тог истинно не знает,
Коль в многих нрав такой и больше есть жесток.

Вполне очевидно, что стихи навеяны Ржевскому сонетом Сумарокова «Не трать красавица, ты времени напрасно» с его призывом покориться плотской страсти (Василий Тредиаковский назвал этот опус «стишками о беззаконной любви»). Можно указать, что в обоих текстах Ржевского разворачиваются характерные послы этого сонета: «Любися, без любви все в свете суеты!» и «Не трать своих ты дней, доколь ты не стара» (3). Но примечательно, что Ржевский отказывается (похоже, сознательно) от сравнений и метафор, характерных для галантного текста Сумарокова. Не исключено, что он пытался приблизить слог к стихам российских петиметров Муравьева и Бекетова. Так или иначе, категоричный, грубый и прямолинейный тон рассчитан на «понимающего» адресата. Сомнений быть не может — первый из сонетов обращен к петиметру, который вовсе не нуждался в пиитических красотах, но единственно в том, чтобы «красотками владети». Перед нами все тот же образец ложного панегирика щеголю, завершающийся (секстет) житейским советом («Чем можешь обладать, того не упускай...»), что низводит ситуацию до грубовато-обыденной.

А «Сонет II: К красавице» писан уже непосредственно от лица щеголя. Он обращен к даме «суровой», то есть воссоздается мотив, обозначенный выше в послании Бекетова. Только отвергнутый влюбленный не перестает вздыхать об отвергшей его красавице (как наставлял Бекетов). «Жестокий нрав», «строгость» красавицы «терзают» рассерженного петиметра, выступавшего с хулой неприступной гордячки. Надо заметить, что подобные филиппики несклонным красавицам вполне укладываются в рамки тех «язвительных и ругательных сочинений на счет женщин, девушек», которые, по словам литератора Александра Писарева (1752–), распространялись именно в щегольской среде. Отметим, что порицание «несклонной», по-видимому, вообще ассоциировалось в то время с щегольством. Так, Александр Храповицкий (1749–1802) в переведенном им на русский язык галантном «Любовном лексиконе» Жана Франсуа Дрё дю Радье (1714–1780) приводит характерные для такого случая стихи петиметра:

Я знатную красавицу люблю,
Она мила, разумна и прекрасна,
Но я за то любезную хую,
Что для меня она сурова и бесстрашна.

Любопытно, что в своих публицистических очерках Ржевский развивает тему ложного панегирика, воспринятого поначалу незадачливыми щеголями в буквальном смысле: «Они прежде были весьма довольны моею похвалою. Она им столько нравилась, что петиметр удостоивал ту книжку, где она напечатана, носить в кармане и показывать ее в собраниях, и в таких, где одерживают любовные победы; и красавица сему моему сочинению чести делала столько, что не довольно читала его, ложась спать, по несколько строк всякий вечер, но удостоивала класть на уборный стол, и тогда, как станет одеваться, и тогда, как делают почитатели ее посещения, и что еще больше, за уборным столом, окруженная петиметрами, говаривала о моем сочинении, и нередко заставляла петиметров читать, которые в угодность ей делали столь много чести моему сочинению, что читывали его, смотря в лорнет... А что красавица говаривала о моем сочинении во время посещений петиметрских, это уже неописанная слава моему сочинению: ибо в сие время не вместины никакие разговоры, кроме любовных шуток, нежных изъяснений о сердечных движениях». Однако все изменилось в одночасье, когда в дело вмешался некто, лишивший автора славы и благосклонности щеголей. То был педант и петиметр в одном лице, который «за учнейшего человека почитался от всех красавиц и петиметров». Он поссорился с сочинителем сугубо и уверил вертопрахов, что его сочинение «насмешку, а не похвалу им приносит». Так или иначе, сатирические сонеты Ржевского дают бесценный материал для понимания его отношения к петиметрам и щегольской культуре.

Внимание книжечеев привлёк другой опус Ржевского, прежде всего, как версификаторский фокус. В майском номере журнала «Полезное увеселение» за 1761 год он публикует «Сонет, заключающий в себе три мысли: читай весь по порядку, одни первые полустиишия и другие полустиишия»:

Во веки не пленюсь	красавицей иной;
Ты ведай, я тобой	всегда прельщаться стану,
По смерть не пременюсь;	во век жар будет мой,
Век буду с мыслью той,	до коли не увяну.
Не лестна для меня	иная красота
Лишь в свете ты одна	мой дух воспламенила.
Скажу я не маня:	свобода отнята —
Та часть тебе дана	о, ты! что дух пленила!
Быть ввек противной мне	измены не брегись,
В сей ты одна стране	со мною век любись.
Мне горесть и беда,	я мучуся тоскою,
Противен мне тот час,	коль нет тебя со мной;
Как зрю твоих взор глаз,	минутой счастлив той,
Смущаюся всегда	и весел, коль с тобою.

Получилось стихотворение, которое можно осмысленно читать только по первым полустиишиям, только по вторым полустиишиям и, наконец, обычным образом по целым стихам, то есть целых три текста в одном. Интересно, что на одном интернетовском портале наш современник оставил к этому «тройному сонету» такой комментарий: «Слог XVIII века сейчас нам кажется довольно наивным, — но какая выдумка!» А литературовед Владимир Топоров назвал этот текст «верхом изобретательности Ржевского».

Заметим, однако, что такие произведения, получившие название «экивоки», «амбивалентные тексты», «расколотые стихи», не являются изобретением русского поэта. Они

коренятся в эпохе барокко и писались тогда едва ли не на всех европейских языках, причем часто специально избиралась трудная для рифмовки форма сонета. Особенно богата подобными фокусами была Франция, где такие тексты существовали с XIV века и разрабатывались в среде Великих Риторов (Жан Молине, Жан Маро, Жан Буше, Гийом Кретен и др.) (4). Главным критерием ценности поэтического произведения было совершенство формы и техники исполнения. Осуществлялась изощренная игра противоположных смыслов. При этом правило тематической композиции стихотворения переносилось с «вертикали» текста на его «горизонталь». Филолог Николай Шульговский отмечал, что такие стихи сочиняли и в политических целях, и текст, «в целом звучавший невинно, таил в своих половинах скрытый яд».

Пример двузначного стихотворения, в котором вторая половина отбрасывается, встречается в повести Вольтера «Задиг, или Судьба» (1747). В главе «Завистник» героя бросают в тюрьму за оскорбление венценосца. А все потому, что «в этих коротеньких стишках заключались самые страшные оскорбления особы царя». Вот они:

Исчадь ада злое,
На троне наш властитель,
И мира и покоя
Единственный губитель

Однако вскоре была найдена вторая половина текста, и справедливость восторжествовала: «Когда сложили обе части, они совершенно пришлись одна к другой, и все прочли стихи Задига в том виде, в каком они были написаны:

Исчадь ада злое,	крамола присмирела.
На троне наш властитель,	восстановил закон.
И мира и покоя	пора теперь приспела.
Единственный губитель	остался — Купидон».

Царь приказал тотчас же привести к себе Задига и освободить из тюрьмы двух его друзей и прекрасную даму».

Если говорить о «расколотых» текстах любовной тематики, то представляет интерес стихотворение поэта-гасконца, гугенота Теодора Агриппы Д'Обинье (1552-1630):

Чей здравый смысл угас, —	бежит любовных нег,
Тот не боится мук, —	кого прельщает воля,
Мой друг, любовь для нас —	завиднейшая доля —
Несчастье и недуг —	любви не знать вовек.
Отрада всех отрад —	лелеять чаровницу —
Свобода и покой —	ну, это ль не напасть?
Удел стократ благой —	в любовный плен попасть,
Хранить сердечный хлад —	что лечь живым в гробницу.

Вот какое объяснение тексту дал сам автор: «Эти мои стихи можно читать на разные лады: и как два трехстопных восьмистишия и как одно шестистопное. Трехстопные между собой не связаны, это отдельные стихотворения, где оплакиваются горести любящих. Но если их соединить, получится стихотворение противоположного смысла, воспевающее

счастье любящих». Как видно, последовательность чтения стихов для французского поэта не столь принципиальна.

А теперь обратимся к сонету Ржевского: согласно замыслу сочинителя, сначала надлежало прочесть полный сонет, и только потом составляющие его полустушии. «Полный» же текст заключал в себе уверения в вечной любви и верности, в то время как в двух его частях говорилось об охлаждении страсти и любви к другой красавице. Таким образом, заверение в любви (полный сонет) при скрупулезном рассмотрении (чтении полусонетов) оборачивалось на деле холодностью и изменой. Как точно подметил исследователь Иван Чудасов, «раскодированный смысл подтверждает мудрое наблюдение: много слов, у кого мало чувства».

И становится понятным, что речь ведется здесь именно от лица щеголя. Ведь, согласно Ржевскому, «любить по-петиметрски» значило «уверять... в своей любви как можно больше, а любить как можно меньше». И сами «мысли» полустуший — хула одной красавице и похвала другой — напоминают характерный для щеголей спор о двух красавицах, о котором тоже упоминает Ржевский (при этом восторженные слова о предпочтенной петиметром даме сопровождались ругательствами и насмешками в адрес ее соперницы). В другом месте этот автор отмечает, что «петиметры не имеют сердец», а потому обращение к красавице «владычица сердца» в устах вертопраха должно звучать не иначе как «владычица языка»: ведь «красавицы никогда не выигрывают в любовном бою петиметрских сердец, а выигрывают петиметрские языки». Щеголь (говорящее лицо этого тройного сонета) манипулирует, в сущности, бессодержательными словесными формулами, имеющими единственную цель — «одерживать любовные победы» (характерно, что впоследствии сатирик Николай Страхов даст пример такого воображаемого щегольского издания — «Наука много рассказывать о малом, или Антилаконическая Риторика»).

Все это заставляет по-новому взглянуть на пиитические ухищрения Ржевского, о котором замечательный литературовед Григорий Гуковский сказал, что этот автор якобы «ищет трудности ради нее самой». Сложнейшая по технике и структуре форма тройного сонета едва ли была для него самоценной и самодовлеющей. На деле же — от самых ранних своих сонетов до публицистических очерков — Ржевский был занят пародированием щегольской культуры, и именно в этих целях он овладел этой прихотливой поэтической формой (5). Так «трудность» оказалась побеждена не столько забавы ради, сколько для осмеяния общественного порока.

Примечание:

(1) Полемика о петиметрах в контексте литературной борьбы того времени была исследована П. Н. Берковым (Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. Л., 1936, С. 106–148).

(2) Мартынов И. Ф., Шанская И. А. Отзвуки литературно-общественной полемики 1750-х годов в русской рукописной книге (Сборник А. А. Ржевского)//XVIII век, Сб. 11: Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. Л., 1976, С. 131–148.

(3) См.: Л. Бердников. «Стишки о беззаконной любви»//Новый берег, № 37, 2012.

(4) См. об этом: Бонч-Осмоловская Т. Два в одном, или Собрание амбивалентных стихотворений//Стороны света, № 9, 2008; Veyrieres de L. Monographie du Sonnet. Sonnettistes Anciens et Modernes. Tome 1. Paris, 1869, p. 70–71.

(5) Сродни сонету и «твердая форма» рондо — жанр, также приспособленный Ржевским к пародированию щегольской культуры. В журнале «Свободные часы» (1763, Сентябрь, С. 538) помещено сатирическое рондо, в первой части которого занятие науками и творче-

ством (при незначительном приложении усилий) объявляется занятием доступным каждому («Лишь потрудись, то может всяк // Никак»). Зато щегольство объявляется делом архиважным и в сущности недостижимым для большинства:

«Но букли хорошо чесать,
И чтоб наряды вымышлять,
Чтоб моды точно соблюдать,
Согласие в цветах познать,
И чтоб нарядам вкус давать,
Или по моде поступать,
Чтоб в людях скуку прогонять,
Забавны речи вымышлять,
Шутить, резвиться и скакать,
И беспрестанно чтоб кричать,
Но, говоря, и не сказать, —
Того не может сделать всяк
Никак».

Поэт, пародист, издатель. Ответственный секретарь «Иерусалимского журнала». Родился в 1949 году в г. Невель Псковской области. Окончил Витебский станкоинструментальный техникум. Служил в войсках ПВО (1968–1970). После службы в армии окончил Ленинградский политехнический институт (1976) и работал мастером, начальником цеха на Витебском заводе часовых деталей, преподавателем в средней школе. Живет в Иерусалиме с 1990 года. Стихи, пародии и проза печатаются в израильских, американских, европейских, российских журналах и газетах.

ПАРОДИИ НА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИХ ПОЭТОВ

АНАЛИТИЧЕСКОЕ

*я грек индус и мавр
я иудей и росс
я шут и бакалавр
я память и вопрос
Сergeй Зубарев*

ПАРОДИИ

я иудей и шут
молчун я и трепач
я русский и якут
я жертва и палач
филолог и эстет
я память и склероз
а вот какой поэт
то в этом-то вопрос

ЧАШКА КОФИЮ

*Лампу зажжем и раскроем газету.
Кофе нальем, и ноябрь белоснежный
Томно заблеет по улице пестрой,
Где круторогий троллейбус резвится.*
Владимир Кучерявкин

Кофе допил и на улицу глянул.
Было темно и немножечко томно,
Блеял ноябрь, и бодался декабрь,
Резвый троллейбус поехал на красный.
Месяцы шли, словно серое стадо,
Спрятался бдительно за занавеской.
Лампу зажег и уснул над газетой,
Очень уж крепким был выпитый кофе...

ЗРЯШНОЕ

*Ночь так ветрена, муторный скрип фонаря,
Тени борются на спортплощадке
Во дворе... Я не сплю — а, наверное, зря, —
Выводя эти строки в тетрадке.*
Александр Леонтьев

Люди спят по ночам, только мне не до сна,
Сам не знаю — чего только ради?
Пародистом в окошко глазеет луна,
Как выводятся строки в тетради.
Дремлет чуткий камыш. Розовеет заря.
Ночь. Аптека. Фонарь у канала.
Вывожу я строку, полагаю, не зря,
Нет претензий ко мне у журнала.

ПЕТУШИНОЕ

*Можно ведь не писать стихов —
Просто бубнить, кружить,
Спать до пятнадцатых петухов,
Непроизвольно жить*

Алексей Машевский

— Можно ведь не писать стихов, —
Мне посоветовал друг, —
Непроизвольно уйдешь от грехов,
Коротая досуг.
Сутками не покидать кровать,
Не открывая глаз.
Жаль петухов — что пятнадцать раз
За день придется орать...

Юрий Казарин, «Божья верста»
М.: «Вест-Консалтинг», 2023

В сборник «Божья верста» вошли новые стихотворения известного поэта и лингвиста Юрия Казарина. Вся поэтика этого автора пронизана образами воды, воздуха, земли и неба. Четыре стихии сливаются в единую концепцию.

Не зря воду в этой четверке я поставила на первое место. Язык образов недвусмысленно сообщает нам: автор оплакивает что-то. «Море в слезах», «пены шипение», «и пламени дрожит вода» — все это только в трех, открывающих книгу, стихотворениях.

Вода — это всегда образ манящий и пугающий. Что кроется в обманчивой невесомости океана, мутной реке, в отражении осенней лужи? Юрий Казарин не дает ответов и даже добавляет загадок. Непроизвольно возникает одновременно устрашающий и романтический образ лирического героя. Читатель способен видеть и слышать, что происходит за этой стеклянной ледяной стеной, но не может пройти сквозь нее, иначе коснется самой смерти.

Образ воздуха в поэтике Юрия Казарина по тяжести не уступает толще воды. Он всегда резок, крут и холоден. Лирический герой то захлебывается в воде, то будто задыхается от морозного воздуха.

И только в плоскости неба автор являет нам более светлые образы и ассоциации:

Взгляд продолжает птицу —
перегибая спицу
скорости... Разворот:
выпавшую ресницу
бог на лету сморгнет.

Улетевшая, упущенная птица как последняя надежда?

Многозначителен, но наиболее чист образ звезд:

большие звезды в маленькой воде.

Свет среди непроглядной тьмы — наверное, самый ценный. Иней и снег также, несмотря на свою холодность, являют в поэтике Юрия Казарина нечто радостное и живое. Для лирического героя это прямая противоположность тьме, в коей он часто находится. И если с осязательной, чувственной точки зрения поэтика автора единообразно ледяная, острая, стеклянная, то цветовую палитру он выстраивает на контрасте — тьмы и света.

И с неба сыплются мгновенья,
на жизнь, на смерть, на воротник.

Ставя жизнь, смерть и воротник на одну ступень, автор как бы пытается показать, что он разбит и разочарован, ведь ему видится, что небу, сбрасывающему снежинки, одинаково «начхать» на радости, печали и на самого лирического героя. Несмотря на это, ирония в данных строчках не ощущается злой — но вопрошающей, даже обнадеживающей.

Ярки метафоры тайги, дерева, высоты — играя широтами и величинами, автор создает ощущение собственной растворимости в пространстве, лирический герой оказывается в выси и глубине...

«Божья верста» — книга, полная философических размышлений о жизни и смерти, любви и нелюбви, свете и тьме. Новый сборник Юрия Казарина рассказывает загадочную историю о вечности и показывает незаурядное версификационное мастерство поэта.

***Полина ГОРОДЕЦКАЯ,
студентка Литературного института имени А. М. Горького***

**Галина Климова, «Сказуемое несовершенного вида»
Ставрополь: Ставролит, 2020**

Книга избранных стихотворений Галины Климовой своим заглавием сообщает нам о том, что автор уверен в том, что говорит: не просто же так упоминается главный член предложения, как правило, выражаемый глаголом. Поэты вообще ничего не делают просто так. Если высказываться — то уверенно, решительно, отвечая за свои слова. Являть себя миру через утверждение собственной уникальности — первоочередная задача поэта. При этом автор не ставит свое «я» в центр всеобщего внимания. Совершенство — это форма застывшая, не требующая изменений. Несовершенный же вид, как следует из этого словосочетания, должно быть понятым читателем буквально, — нечто, имеющее право оставаться прекрасным в своем небезупречном своеобразии. Даже столь весомые категории человеческого бытия, как «время» и «вечность», имеют право быть не сразу распознанными читателем, а читатель сохраняет право на ошибку:

Новорожденный день и вечность так похожи —
Два выраженья одного лица:
Творец, не признанный в прохожем,
Или прохожий в образе Творца.

Образ времени в стихотворениях Галины Климовой подсвечен равнодушием, теплым отношением друг к другу двух понятий-антагонистов — краткого, суетного и находящегося за гранью человеческого осознания:

Время тает изнутри,
вечностью питает.

До чего верно подмечено!.. Человеческая жизнь мало того, что конечна, она еще в масштабах вечности несоизмеримо коротка. Время, как мы его воспринимаем, — это череда мгновений, от первого до финального. Божественная же вечность отменяет понятие времени. Жизнь иная, вечная, никогда не кончается. Тем ценнее то немногое, что нам отпущено в рамках земного существования. Этот отрезок времени нельзя провести как попало, без пристального внимания к собственным поступкам:

От косточки,
От праха какая вздрогнет твердь?
Нет выбора без страха.
Одно — любовь и смерть.

Если ситуацию можно без последствий «откатить назад», проблема выбора становится не такой уж значимой, однако, принимая судьбоносные решения, человек испытывает иной раз священный трепет: слишком велика будет цена ошибки. Особенно если дело касается главного: с кем связать свою судьбу. Можно, конечно, спросить у поэта: а как сделать правильный выбор, и поэт ответит — никак, потому что умом никогда не определишь, какой выбор был правильный, а какой — нет. Верующий человек утверждает, что в главном мы не имеем выбора: веру, Родину, родителей не выбирают, да и супруги даются нам свыше. Но ответственность за принятое решение все равно лежит на нас. И этот

груз ответственности подразумевает под собой страх: а если я совершу ошибку? А в жизни никто не застрахован от ошибок, порой фатальных. Никто. Чтобы описать это состояние, у психологов уходит несколько часов рефлексии и несколько страниц текста. Поэту достаточно нескольких концентрированных строк...

Галина Климова создает в своих стихотворениях пространство, в котором противоположности растворяются друг в друге, дополняют и поддерживают друг друга, обеспечивая основу гармонического единства:

Куда б меня не занесло —
весь мир как целое число
с жердочкой для ока: о!

Замечательное сравнение «мир как целое число» — то есть система нетронутая, первозданная. Понятие «целостности» человека имеет для автора большое значение, так же, как и то обстоятельство, что красота мира находится в глазах смотрящего. Чистая открытая душа видит мир глазами ребенка, не переставая удивляться. Тут мы вспоминаем вопрос Спасителя, заданный больному человеку: «Хочешь ли ты исцелиться?». Собственно, рецепт исцеления был дан еще две тысячи лет назад, но как изящно авторское напоминание о том, что целостность не приходит к человеку сама по себе, она обретается только там, где в душе есть вера и любовь, а желание зла полностью отсутствует.

Это ощущение цельности и гармонии лирическая героиня Галины Климовой хранит свято, невзирая на предлагаемые обстоятельства, никак не располагающие к верности своим ценностям. Как раз напротив: рушатся общественные устои, жизнь подкидывает все новые и новые испытания — попробуй-ка, удержись от искушений! Но главное для поэта остается таковым в любой исторической обстановке:

А жизнь идет — где прахом, где стихом
сквозь немоту и сны,
и весны революций,
собранием избранных идет —
и в горле ком:
стихи не продаются.

Поэтическое состояние — напряженная неопределенность, которую невозможно обменять на свободно конвертируемую валюту — описано автором удивительно верно: именно так зарождаются настоящие стихи. Это очень сложное состояние, в котором целостность, уже ставшая самой собой и завершенная, подвергается давлению извне: поддастся ли, дрогнет? Нет, поэту важно оставаться свободным, как птица.

Кстати, птиц в этой книге много, и проявляются их образы не только в стихах, но и в ярких акварелях Л. Чуйковой — диковинный африканский страус, обычный русский петух и аисты, символизирующие в православии чистоту и благочестие. Центральный же образ, определяющий границу между материальным и тонким миром, между самоуверенностью обывателя и вечным ученичеством поэта, в итоге выводит нас к миссии, которую поэт обязан осуществить в земной жизни:

И — ку-ку вам! — пишущая братия,
есть в моей сердечной сумке птица,
в птице — слово,
чтобы не разбиться
в воздухе,
где я как ученица,
чтоб в полете повторять распятие.

Огромное, глобальное поэтическое состояние мира Галина Климова воспринимает, опираясь на христианские традиции, в которых любовь к ближнему после любви к Богу должна быть проявлена обязательно. Единство с ближним — это нить, связующая человека с человеком, исходящая от Бога, который и есть любовь:

Ты — мой борей.
И я твоя бора,
твоя раба,
и мы в прямом эфире,
в потоке света дважды два — четыре,
как в общежитии добра.

Должно ли в этом мире быть что-то превыше любви?

Мне кажется, об этом незачем спорить.

Ольга ЕФИМОВА

«Зинзивер»
(Санкт-Петербургский литературно-художественный журнал)
Издательство «Вест-Консалтинг»
(генеральный директор Евгений Степанов)
Бумага офсетная
Печать офсетная
Тираж 500 экз.
Сдано в набор 06.12.2023
Подписано в печать 18.01.2023